

Б. КОНОФАЛЬСКИЙ
ВО СНЕ И НАЯВУ

ТИТАН

16+

Борис Конофальский

Во сне и наяву. Титан

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67919585

SelfPub; 2022

Аннотация

Светлану ждут новые приключения. В этой книге она столкнётся с самым свирепыми врагами. В этой книге всё встанет на свои места.

Борис Конофальский

Во сне и наяву. Титан

Титан

Глава 1

«Лёлик». Этот человек звонил ему сам нечасто, поэтому Виталий Леонидович был не то чтобы удивлён, скорее заинтересован: ну и что тебе нужно, капитан Лёлик? Роэ подождал пару секунд и принял вызов:

– Привет.

– Привет, Виталий Леонидович, – говорит капитан Митрохин. Он не сразу переходит к делу. – Как дела?

– Ну? Что случилось? – настроение у Роэмана не очень, ему не до церемоний.

– У меня ничего не случилось, – произносит Митрохин, – я просто сводку по городу просматривал, и твоего знакомого в ней нашёл.

– Моего знакомого? – Роэ немного раздражается, ну разве нельзя сказать всё сразу и по делу. – Какого?

– Пахомова. Помнишь пацана, ну, того, что тёрся с девкой, которая была тебе нужна, они ещё барыге золотую монету продавали. А потом мы его вычислили...

– Ну, помню-помню, – Роэман оживился. – Что с ним?

– Этот бойкий пионер схлопотал шесть ножевых ранений. Это если тебе интересно, конечно.

– Интересно-интересно. Что ещё знаешь?

– Судя по всему, он труп, одно ранение в шею и одно в область сердца, большая кровопотеря.

– Понятно, понятно, – Виталия Леонидовича этот пацан интересовал мало, – а про девку его в сводке ничего не было?

– Я знал, что ты этой темой заинтересуешься, – произнёс капитан. – Я позвонил парню, который ведёт дело, я его не знаю, он сначала ничего говорить не хотел, но я рассказал ему, что Пахомов недавно нахлобучил барыгу, и тогда он мне сказал, что девка, с которой Пахом крутился, Фомина Светлана, проходит по делу свидетельницей.

– Свидетельницей? – сначала Роэман был заинтересован, потом у него появилась надежда, а теперь его накрыло разочарование. – И она не ранена?

– Нет. Жива-здоровая. На неё в подъезде напал разносчик, который никуда ничего не разносил, но девка оказалась молодцом, брызнула ему в морду перцем и отбилась. Разносчика на выходе из парадной прихватил её дружок Пахомов, а разносчика ждала машина с водителем. Водитель выскочил, и они с разносчиком этого пацана порезали. Девка морду разносчика срисовала. Вот такой расклад.

Роэман задумался. Его такой расклад никак не устраивал. Он молчал, но ему очень сильно хотелось заорать.

– Виталий Леонидович, – доносится из трубки.

– Да, – отвечает Роэ.

– Эта информация тебе пригодилась?

Так, Лёлик интересуется, готов ли Роэман за неё запалить.

– Да, пригодилась, – теперь он уже не просто раздражён, теперь ему приходится себя сдерживать, чтобы не проорать капитану в трубку каких-нибудь ругательств. – Через полчаса жду на Галёре, на нашем месте.

Этой фразой Роэман дал понять, что готов заплатить за полученную информацию.

– Через полчаса? Через полчаса могу не успеть, – сказал капитан Митрохин.

И тут Роэман уже не сдерживается и орёт в трубку:

– А ты успеешь, Лёлик, успеешь! Иначе ни хрена не получишь!

Он отключается и едва сдерживается, чтобы не шваркнуть телефон об стену. Его немного трясёт. Мага, тварь с небритой шеей, поганый коммерс, не сделал дела. Понтовался, пыжился, строил из себя человека, который всё может решить, у которого всё схвачено, который знает нужных людей... А потом, со своими привозными профессионалами, обгадился... Завалил пацана, который Роэману был совсем не нужен, и упустил червя! Короче, обгадился по полной.

Виталий Леонидович мало спал последнее время, и это начинало сказываться. Он всё хуже контролировал себя. Приступы раздражения, обоснованного и не очень, всё чаще накатывали на него. И немалый повод к раздражению подкидывало ему его новое лицо. Он просто не мог смотреть на себя в зеркало. После укуса аспида Бледной Госпожи правая часть лица была всё ещё похожа на стекающую от тепла вос-

ковую маску. И правый уголок рта был приоткрыт. Чтобы закрыть его, нужно было о нём вспомнить. Роэман лишней раз не подходил к зеркалу, он не хотел видеть своего уродства. И что было хуже всего, ему казалось, что лучше с его лицом уже не станет. При всём его метаболизме, при всех его удивительных способностях к регенерации лицо никак не возвращалось к нормальному состоянию.

Он закутал лицо в шарф, натянул свой берет до самых бровей и шёл, руки в карманы, по Невскому проспекту к углу Гостиного двора. Там, на Перинной, он должен был встретиться с капитаном.

Капитан, конечно же, успел, деньги есть деньги, Роэ нашёл его автомобиль и сел на заднее сидение. Говорить ему сейчас не очень хотелось, он достал несколько оранжевых купюр и не считая протянул их Митрохину.

– Спасибо, – коротко поблагодарил тот, пряча деньги во внутренний карман куртки.

– Знаешь, где Черниговская? – спросил его Роэ из-под шарфа, ему не хотелось, чтобы капитан видел его лицо в таком состоянии.

– Черниговская? Это..., – Лёлик вспоминал, глядя на Виталия Леонидовича через зеркало заднего вида, – Где Рыбинская?

– Да, – говорит Роэман, доставая сигареты и приоткрывая окно.

Капитану всё было ясно и без вопросов, он молча завёл

двигатель и повёз своего странного и богатого пассажира на Черниговскую улицу, хотя знал, что в это время «соберёт» там, в районе Обводного, все пробки. Впрочем, за тридцать тысяч, что только что передал ему Роэман, он готов был поработать ещё и таксистом.

– Внутри не заезжай, – говорит Роэман, увидев кривые, голубые, облупившиеся ворота дома номер двадцать семь. – Тут останови. Подожди меня, я скоро.

– Виталий Леонидович, я как бы на работе, – напомнил ему Лёлик. – И встать тут негде.

– Я же сказал, я скоро, – едва сдерживается Роэ.

Виталий Леонидович вылезает из машины, а его самого уже пожирает раздражение. Только вот на мента его выплёскивать нельзя. Мент полезный. Роэман входит в ворота. Лужа, грязь, мусор вдоль забора, каркасы машин. Ничего тут не изменилось с прошлого раза. Он, стараясь не пачкать ботинок, добирается до двери и входит внутрь здания. На сей раз на проходной внизу всего один бородатый охранник. Он отрывает глаза от телефона. Смотрит на вошедшего.

«Ну, скажи мне что-нибудь». Виталий Леонидович уже готов ему всё объяснить, но бородатый снова уставился в телефон. Роэман удивлён – наверное, охранник узнал его. Ладно, он поднимается по сырым ступеням на второй этаж.

У Маги в кабинете открыта дверь, а у его стола сидят двое, они пьют чай, о чём-то говорят не на русском языке. Роэман

молча останавливается в проходе.

Мага заметил его и сразу сказал:

– Брат, а ты что не позвонил?

Это звучит не иначе как: видишь, у меня дела? Виталий Леонидович не отвечает, не убирает шарфа с лица, стоит в дверях и молчит. Тогда коммерсант что-то говорит двоим своим гостям, те молча встают и уходят, забрав свой чай в пластиковых стаканчиках. Виталий Леонидович проходит и садится на хлипкий стул перед коммерсом. Садится и ни слова не произносит. Ждёт. Уже по его виду упитанный и небритый предприниматель понимает, что Роэман в курсе событий. Он ерзает, начинает что-то перекладывать на столе, заглядывает в телефон.

А Роэман молча ждёт, пока этот урод сам начнёт разговаривать. А тому делать нечего, и он начинает:

– Брат, ты, раз пришёл, наверное, знаешь, что у нас косяк вышел?

– Эти двое, что вышли.... Это они делали работу? – спрашивает Роэ.

– Нет-нет, – Мага даже руки поднимает. – Это не те... Те, кто делает такую работу, сюда не приходят. Тут им делать нечего, эти люди машинами занимаются.

– Машинами..., – повторяет Виталий Леонидович. – Послушайте, Мага, вы сказали, что вышел у вас косяк...

– Да, слушай, так получилось нехорошо, всё вышло в подъезде, бабы какие-то выскочили – крики-визги, шу-

рум-бурум, этот лох, что с нею везде таскался, ещё подвернулся, начал людей хватать, пришлось с ним решать, сам понимаешь, это дело непростое.

– Непростое? – Роэман убирает с лица шарф, достаёт сигареты. – Вы, если мне не изменяет память, говорили, что всё у вас схвачено, вы установите за девкой наблюдение, что у вас есть специалисты, они приедут, они всё решат... А теперь что? Теперь вы мне рассказываете про косяк, про дело непростое, бабы, шурум-бурум, лох подвернулся...

– Брат, я тебе говорю, как есть, – сразу заговорил предприниматель, такое впечатление, что он торопился говорить, – я ничего от тебя не скрываю, ты пришёл ко мне, мне нечего скрывать, я от тебя не прячусь, сели, поговорили, ты мне сказал своё, я тебе сказал своё, всё как есть, это жизнь, брат...

Виталий Леонидович начинает тереть глаза рукой, недосыпание сказывается, он устал. Нет-нет, физических сил у него ещё предостаточно, он устал от другого, от ожидания, от своей страшной теперь физиономии, от всего этого. Как ему было хорошо раньше. До того, как его нашла Бледная. Жил в своё удовольствие, в Истоках у него был отличный участок, все окружающее прятались, когда он приближался. Он мог свернуть шею любому. Чёрт дёрнул Бледную выбрать его для своего дела.

Чёрт дёрнул его согласиться. Откажись он тогда, что бы она в таком случае сделала? Да ничего! Ну, погрызла бы её собака ему ноги, они бы уже давно зажили. И жил бы он сей-

час, как жил раньше... Он открывает глаза, смотрит на Магу и думает о том, что этот урод не затыкается, и о том, что ему хочется его уже заткнуть. Нет, нет, нельзя, это небритое мурло должно закончить дело. Должно закончить это долбаное дело! Бизнесмен, блин!

– ... и что, да каждый может накосячить, ты пойми, брат, дело-то непростое, – всё бубнит и бубнит коммерсант. – Мы же не лаваш печём, понимаешь? И если разобраться...

Этот баран хочет его просто заболтать до смерти, Роэман не выдерживает, он бьёт ладонью по столу:

– Замолчите! – Виталий Леонидович говорит совсем негромко, но этого хватило, чтобы балабол заткнулся. Роэман смотрит на него с заметной неприязнью и продолжает всё так же тихо: – Когда вы закончите дело?

Мага смотрит на него, трясёт своим жирным подбородком, и теперь этот балабол, который только что заливался соловьём, не находит нужных слов. А Роэман ждёт, сверлит его глазами, а потом произносит:

– Вы расслышали мой вопрос?

– Слушай, друг...

«О, коммерсант вдруг понизил мой статус с «брата» до «друга», сейчас начнёт отползать. Или наберётся смелости и будет клянчить денег». Виталий Леонидович не ошибся, предприниматель начал долгую прелюдию к разговору про деньги.

– Понимаешь... Люди задаток взяли, транспорт, маши-

ны... Две штуки! Жильё, еда, туда-сюда, а теперь они засветились, эта баба одного из них видела, им тут у нас оставаться нельзя было... Это не в наших интересах, ты же сам понимаешь... Деньги ушли, друг...

– Да, я сам понимаю, деньги ушли, а дело вы не сделали, – произнёс Роэман. – Убили пацана, который мне был не нужен, оставили в живых девку, которая была мне нужна, потратили время, и теперь вы мне говорите... деньги ушли, друг!

– Так бывает, дорогой, так бывает, – снова заговорил коммерсант, – никто не застрахован от косяков в таком деле, я в этом бизнесе двадцать лет, всякого насмотрелся, всякого, это хорошо, что ещё люди уйти смогли, сейчас они уедут к себе, всё, их уже никто не найдёт, всё будет тихо, а мы ещё раз попытаемся, других людей найдём, есть, есть джигиты, готовые поработать, если, конечно, ты..., – небритый коммерс сделал паузу, – если ты ещё дашь немного денег. Немного...

Роэман смотрел ему прямо в глаза, а тот, тварь наглая, даже не отворачивался. Виталий Леонидович с большим удовольствием встал бы сейчас, обошёл стол, подошёл к нему и, позабыв о брезгливости, пальцами разорвал бы ему пасть от уха до уха. Но... Надо, надо было завершать это чёртово дело. А после разрыва пасти дальнейшее сотрудничество выглядело уже маловероятным. Это было очень неприятно, но Роэман пересилил себя. Конечно, дело нужно было довести

до конца, а этот... Хоть и урод, но не уродливее других его знакомых. Тем более что опыт в подобных делах у небритого, конечно, был. А денег, денег Роэману было не жалко.

Он полез в карман и достал оттуда пачку денег, не спеша отсчитал шестьдесят купюр и бросил их на стол перед Магой, который весьма внимательно наблюдал за Виталием Леонидовичем и сам, про себя, тоже считал его деньги.

– Слушай, брат..., – коммерсант сразу хватается деньги, запихивает их себе во внутренний карман пальто.

«Опять «брат», мой статус восстановлен; наверное, сейчас начнёт объяснять, что этих денег мало».

– Людей нужно хороших нанять... Те люди были простые дехкане, что с них взять, они привыкли резать баранов, овец, коров, а как чуть-чуть не пошло у них, так они и налажали... Что с них взять, они из глухих сёл, асфальт в первый раз увидели. А тут...

«А, вот оно что, оказывается, они были тупые дехкане, приехали с асфальтом знакомиться, а тут вон как их встретили, хотя сначала ты обещал, что это будут профессионалы».

– ...дело-то, сам видишь, выходит непростое, тут нужны хорошие люди... Не такие, как те, что были.

Роэман встаёт, он не собирается дальше его слушать, Виталий Леонидович просто растопыривает пальцы на правой ладони и показывает их предпринимателю: пять!

– Пять дней.

– Что? Э, брат...

– Через пять дней вопрос должен быть решён, – говорит Роэ и идёт к двери.

– Пять дней мало, брат! – орёт ему вслед Мага. – Денег мало, так ещё и времени мало даёшь, так нельзя, брат! Подготовиться надо, людей привезти надо...

Виталий Леонидович не слушает, он спускается по лестнице, на ходу закрывает лицо шарфом. Он раздражён. Поэтому и покинул кабинет жулика, сожалея о том, что этому Маге нельзя всё объяснить в доходчивой для коммерсанта форме. Он надевает берет. Бородатый охранник внизу бросает на него короткий взгляд и снова заглядывает в телефон, он широкоплечий, видно, сильный. И Роэман не смог отказать себе в удовольствии. Проходя мимо, он бьёт его открытой ладонью... С размаха, по скуле, уху, виску, и тот, роняя телефон, мешком валится со стула на пол. Удар был такой силы, что охранник отключился. Роэ доволен, он даже улыбнулся своим с недавних пор кривым ртом: и Мага получил небольшой урок, и охранник понял, что на посту нужно заниматься своим делом, а не пялиться в телефон.

Виталий Леонидович выходит из сырого дома на загаженный двор, настроение у него, конечно, улучшилось. Ах, если бы не это дело... Как было бы хорошо, если бы дуболомы этого Маги всё сегодня решили. Он подходит к машине, в которой его ждёт Лёлик.

Садится на заднее сиденье.

– Слушай, капитан..., – Роэман делает паузу, он снова ле-

зет в карман за деньгами. – Тут, – Виталий Леонидович стучит похудевшей пачкой денег в стекло, указывая на здание, – заправляет некто Мага, поганый коммерс, занимается всем, чем можно, но тут он разбирает ворованные машины. Видишь? Вывеска: «Запчасти». Он тут же их и распродает.

– Выяснить, кто он? – догадывается капитан Митрохин.

– Именно – кто он, откуда, где живет мама, где дети. В общем, всё, что сможешь нарыть на него – нарой, – Роэман отсчитывает двадцать пятидесяти тысяч купюр, протягивает их Лёлику.

Тот берёт деньги.

– Всё сделаю. Фото семьи делать?

– Фото семьи? – Роэ на секунду задумался и тут же радостно согласился. – Семейные портреты сделай обязательно.

– Всё сделаю, – снова обещает капитан.

Теперь у капитана было задание, и использовать его как шофёра было неразумно. Виталий Леонидович отпустил Лёлика и пошёл пешком. Ему нужно было подумать. А кругом лежали места совсем не прогулочные. Промзона, железно-дорожная насыпь, заводские заборы, забитое автомобилями одностороннее шоссе. Шум, выхлопы машин в мокром осеннем воздухе. Он кое-как перебрался через грязь и переполненную машинами дорогу на тротуар и пошёл к Обводному каналу. Дело сорвалось, это было ясно, люди этого клоуна Маги и во второй раз могли сплеховать.

«Дехкане сплеховали, – ему было ясно, что нужно каким-то образом подстраховаться. Он достал сигареты. – Кого? Нужен ещё кто-то. Но кто?».

У него больше не было никаких подобных знакомых. Нет, конечно, у него были интересные субъекты, людоеды, лютая нечисть типа Фисюков, но таких к червя не подпустит эта страшная бабища, от которой за версту несёт могилой. Одно слово: «Гнилая».

У него от одного воспоминания о ней по спине пополз холодок. Нет, простых решений тут не будет, нужно было подумать и поискать кого-то хитрого. Кого?

Ну, была одна тварь у него на примете. Тем более что эта тварь уже имела на червя зуб. Она и на Виталия Леонидовича тоже зуб имела, но с этим тварь могла и подождать. Да, этот вариант мог сработать. Он достал из кармана телефон. Ему срочно нужно было такси.

Глава 2

Она выпрыгнула из пролома, сбежала по куче кирпича вниз, отбежала метров на тридцать, остановилась и обернулась. Во-первых, опасно оставлять его вне поля зрения с этой его летающей дрянью, а во-вторых, она очень хотела, чтобы он вышел. Вышел и пошёл за ней. Но силач не торопился выходить из развалин. Секунды шли, и девочка, глядя на кучи ломаного кирпича, даже заволновалась немного: «А может, он всё это время ходил за мной просто... просто потому, что

никого другого вокруг не было?».

И опять её спасло чудо! Или не чудо, а её почерневшие пальцы. Они опять начали свой танец, их скрючило так, что за ними вся её левая ладонь задёргалась, словно в конвульсиях. Машинально она съёжилась, как будто за спиной у неё кто-то резко и громко заорал, а потом, повинувшись рефлексу, пригнувшись, сделала пару шагов в сторону и увидела, как мимо неё, рядом-рядом мелькнула тёмная тень, пролетела ещё пару метров и плюхнулась на землю. Это была та самая тварь, которую уже кидал в неё силач.

«Ах ты хитрец! Кинул в меня эту гадость из развалин, из-за обломков стены, пока я не могла её видеть!».

Света сделала пару шагов к той дряни, что сейчас лежала в пыли и конвульсивно дёргалась. Девочка рассмотрела её получше, чем в первый раз; тогда Светлана была слишком напугана, чтобы разглядеть её. Тварь была похожа на серую, большую морскую звезду, вся такая же пупырчатая, только с когтями в каждом углу.

Светлана оторвала от неё взгляд... и вовремя, силач уже спускался из развалин. Нет, она не испугалась, девочка даже обрадовалась, что он шёл к ней. Большой, тяжёлый, необыкновенно сильный. Он был именно такой, на какого она и рассчитывала. Света, ещё раз оглядев его тёмную фигуру, его мощный торс, убедилась, что в её плане был смысл, да, план мог сработать.

До него было шагов тридцать, не меньше. Время у неё бы-

ло, но Светлана не подумала о том, что дёргающуюся в пыли пятиугольную тварь можно прямо здесь и сейчас попытаться повредить, Кровопийца же был при ней... Не подумала. Она, увидав своего преследователя, побежала по улице Гастелло к перекрёстку, а там, у разрушенного здания гостиницы, свернула на улицу Ленсовета. Там, невдалеке от прекрасно сохранившейся Чесменской церкви, был кусок целой стены, тут она остановилась и выглянула из-за угла. Хотела знать, идёт ли он за ней. Почти по всей длине улицы Гастелло, между кварталами, прямо между полосами движения, тянулся сквер с лавочками. В настоящем мире – излюбленное место собачатников и пенсионеров, которые сидели в хорошую погоду на лавочках под деревьями. Здесь, в Истоках, от лавочек остались только куски колотого бетона, а от деревьев – чёрные кривые стволы. И весь сквер зарос серебряным мхом. И прямо по ковру из этого мха спокойно и размеренно шёл силач. Он шёл следом за девочкой. Силач уверенно шагал прямо по серебристому ковру, по которому даже отбитая Аглая не могла бегать. И что Свете совсем не понравилось, так это то, что он при этом почти не хромал.

«Выздоровел, что ли?».

Девочка развернулась и побежала по улице Ленсовета, мимо церкви, на юг. Она бежала достаточно быстро, ей нужно было выиграть время, чтобы кое-что успеть до подхода преследователя.

Теперь Света почти не сомневалась, что он пойдёт за нею

дальше, а значит... Значит, игра началась.

Ей нужно было время, чтобы остановиться и раздеться. Света добежала до кучи строительного мусора, лежавшего на месте, где раньше располагался спортивный клуб «Волна». Тут девочка сняла рюкзак. Прежде, конечно, поглядев в сторону силача, не слишком ли он близко. Нет, он только что свернул с Гастелло. Она стала раздеваться, скидывать с себя куртку, майку, спустила до ботинок штаны, потом, поглядывая в сторону приближающегося преследователя, достала из рюкзака коробку с листочками фикуса. Самое время для них. Она быстро открыла её и начала сначала вытаскивать поломанные и вялые листочки. И, не особо экономя, начала втирать в себя их сок. В живот, в плечи, в руки... Как только листок превращался в выжатую тряпку, она выкидывала его и брала другой. Бёдра, бока, икры... Она бросает взгляд в сторону силача. Идет, но ещё не близко. Времени хватает. Шея и всё вокруг – это последнее, что она могла выкрасить в чёрно-фиолетовый цвет. После этого девочка начала всё так же быстро одеваться. И когда уже накинула куртку, увидела кота в десятке метров от себя.

Это был самый большой кот, которого она когда-либо видела, и теперь это круглоголовое неприятное животное сидело в камнях, прижав уши, и своими жёлтыми глазами следило за нею. Обычно они не подходили к ней так близко, но этот был обнаглевший. Размеры ему позволяли думать, что Света ему будет по зубам, по когтям. Кот привстал, и девоч-

ка поняла, что он выше её колена. Зверь не отрывал от неё своих злых глаз.

«Брысь, тебя ещё сейчас не хватало».

Хорошо, что Света уже подпоясалась. Она вытащила из ножен тесак. Теперь девочка уже и не знала, куда смотреть. То ли на этого суперкота, то ли на приближающегося силача. Силач, конечно, опаснее, но кот-то ближе, вот он.

– Уйди отсюда! – кричит Света, чтобы напугать кота.

Но он не пугается, он прямо на глазах у девочки группируется, подбирает задние лапы под себя, а передние мягко переставляет, топчется ими на месте и смотрит, смотрит на девочку, он точно готовится прыгнуть на неё. Света присаживается, не отрывая глаз от животного, чтобы взять палку и рюкзак, но кот, видимо, воспринял её движение как сигнал к действию, кинулся на неё. Света едва успела вскочить и чуть наклониться, подставив коту левый бок и левую руку; увернуться от широко расставленных когтистых лап девочка не смогла. Кот зацепился за её куртку когтями и укусил... Думал, наверное, что загоняет зубы ей в шею, а на самом деле вцепился в капюшон.

Пару месяцев назад, если бы на Свету Фомину напал дикий кот величиной с рысь, она бы, наверное, просто погибла, но сейчас этот зверь даже не сбил её с ног, даже не испугал, девочка даже не вскрикнула, когда длинные и острые когти кота, проткнув ткань куртки, впились в её кожу. Она просто отвела от себя подальше левую руку, на которой висело жи-

вотное, и прошептала:

– Ах, ты дрянь такая!

Кот трепал её капюшон, а она спокойно воткнула ему под рёбра Кровопийцу. Воткнула до самой рукояти, так что на руку ей брызнула тёмная и горячая кровь животного. Кончик тесака вынырнул между его лопаток. И кот сразу обмяк. Наверное, железо пробило его сердце. Света просто сбросила его с себя. Ей, девочке, которая всегда любила животных, теперь было всё равно. Бок и левая рука были разодраны когтями, они кровоточили, но и это её не заботило. Она взглянула на приближающегося силача.

«О, уже близко».

Кот немного задержал Свету, ей нужно было уходить, пока силач снова не кинул в неё свою пятиугольную гадость. Кровь пропитала левый рукав, намочила майку на левом боку, так что та неприятно липла к телу, но девочка на это внимания не обращала. Она быстро вытерла лезвие тесака, ещё не очень умело, затем спрятала Кровопийцу в ножны, подняла с земли и закинула за плечи рюкзак, взяла палку и, ещё раз взглянув на преследователя, побежала по улице Ленсовета на юг. Она убила опасное животное, получила травмы, и всё это запросто, между делом. Девочка даже и не заметила, когда стала такой. Мухомед, этот кот... Кто следующий? Она не думала об этом, она торопилась. У неё было дело, которое нужно делать.

Света обернулась ещё раз и увидела, что силач идёт за

нею, а значит, никто, в том числе и глупый кот, не помешает её плану.

Одноглазого привлёк этот приятный запах, он немного отвернул от намеченного пути, всё равно его цель никуда не денется, а тут вон как приятно пахнет. Кровь. Он нашёл мёртвое животное. Охотник поднял его и некоторое время нюхал. Нет, это существо не обладало тем изумительным запахом, которое источала его цель. Этот запах был резкий, мускусный, возможно, мясо этого существа не будет вкусным, во всяком случае, жира в нем было немного. Тем не менее, Охотник взял его с собой. Если и сегодня его цели удастся улизнуть, тогда он съест это невкусное животное. Одноглазый поднял голову: далеко ли убежала цель? Да, она уже далеко, но он знал, что её попытки бессмысленны, он всё равно настигнет её, она просто тянет время. Закинув мёртвое животное на плечо, он пошёл на юг, туда, куда убежала Светлана. Он шёл быстрее, чем вчера, он уже почти не хромал.

Девочка до этого не замечала, что после перекрёстка, после улицы Фрунзе, воздух замирает, висит неподвижно, там не чувствуется ветра, даже малейшего дуновения. Поэтому тут как-то по-особенному печёт солнце. Оно тут обжигает. За перекрёстком Света остановилась. Обернулась и в который уже раз убедилась, что силач её не бросил, что идёт за нею.

Дальше была земля чёрных попугаев, тут нужно было быть настороже. И именно тут она хотела сделать одно важное дело. Опасное дело. Она огляделась: мало ли что может быть вокруг, ещё какой-нибудь кот притаился в развалинах. Нет. Тишина. Никого, ничего, ни движения, ни звука. Только дорога со ржавыми трамвайными рельсами, развалины да жгучее солнце. И чёрная фигура силача, которая неумолимо к ней приближалась. Девочка чувствовала себя прекрасно. Боль от кошачьих когтей? Да ну, ерунда, она о ней и не помнила уже, чуть-чуть куртка прилипла в местах, где была испачкана кровью, и всё.

Ни капли усталости. Силы переполняли её, она даже поймала себя на мысли, что может вытащить Кровопийцу и дать силачу бой. Прямо тут, на этой улице. Нет, нет... Она, конечно же, прогнала эту мысль. Это было бы слишком опасно. А ещё Света подумала, что ей очень хочется раздеться. Жарко. Одежда мешает, она потная и вонючая, липкая, и стесняет движения. И ботинки тоже хотелось сбросить. Аглая, Сильвия, мама-Тая и все другие люди, которых Света тут видела, – все обходились без обуви. И без одежды. Ладно, ладно... Это всё после, не сейчас. Силач уже был рядом. Надо было, конечно, попить, время было, но теперь уже поздно, потом, потом она выпьет пол-литра сразу.

Соревнования. Точно такое же чувство Света испытывала перед каким-нибудь важным забегом. Она была взволнована и не могла расслабиться. Тогда ей помогала разминка и раз-

говор с тренером, но тут тренера не было. Эх, даже Любопытный был не с нею. Он куда-то запропастился со вчерашнего дня, хотя был так ей нужен. Она от волнения даже пританцовывала, время от времени оглядывалась по сторонам, но всё больше и больше смотрела на него, на приближающегося силача. Девочка изнывала от ожидания и переполняющих её сил, ей хотелось сделать всё быстрее.

И вот он уже рядом. Сто шагов, меньше, ещё меньше...

Рюкзак за спиной, тесак в ножнах, палку Светлана держит двумя руками. Крепко держит. Она ждёт, и дожидается. До крупной фигуры метров пятьдесят, девочка уже различает грубые черты его почти нечеловеческого лица. Она видит, что в левой руке он что-то несёт, но не может рассмотреть, что это. И вот оно, движение, которого она дожидалась, силач свою правую руку кладёт себе на левое плечо.

Да, да, да, да, да... Этого-то она и ждала, именно этого! Света и остановилась на этом открытом месте, чтобы решить этот вопрос. Силач стягивает со своего плеча ту самую когтистую дрянь, она тянется, как мокрая тряпка, и он собирается снова бросать её в Свету. Она этого ждала. Что ж, она к этому приготовилась.

Глава 3

Он встряхивает и встряхивает эту свою кожу с плеча так, что Света видит, как с неё слетают черные капли. Силач идёт к ней, не замедляя шага. Но не кидает, идёт и идёт к девочке.

Тут Светлана уже заволновалась, ей казалось, что он кинет эту штуку, как только расстояние ему покажется достаточным. Но он не был, как она выяснила, дураком, силач нёс эту свою дрянь, но не бросал её в девочку, а подходил всё ближе и ближе. Ну нет, когда до него осталось шагов тридцать, она не выдержала, повернулась и побежала.

Пальцы девочки и в этот раз её не обманули. Их скрючило так, что больно стало. Она сразу, сразу поняла, что вот теперь, когда она этого не видит, силач кинул свою кожистую тварь ей вслед, кинул и побежал за нею сам. Света как будто по команде, как по щелчку пальцев, сразу остановилась, хоть ей и было очень страшно, сделала пару шагов в сторону, обернулась и увидела, как в неё, прямо ей в лицо, летит эта дрянь. Девочка подняла палку, она держала её двумя руками. Она занесла своё оружие себе чуть за спину, секунда, ещё одна и... Чёрное кожаное пятно приближается быстро. Только что оно было брошено сильной рукой, и вот уже рядом, крутится, даже шелестит во время полёта. Из-за когтей, наверное.

Света делает шаг в сторону, словно заправский бейсболист «принимает» на свою палку эту мерзкую, когтистую и опасную кожу. Девочка бьёт точно и сильно, хотя никогда в жизни она такого раньше не делала, она даже бейсбола никогда не видела. Правда, получилось не совсем так, как она задумывала. Тварь, как мокрая тряпка, шмякнулась об палку, обтянула её, скукожилась и повисла на ней. Света встряхну-

ла палку, но эта дрянь прилипла крепко, мало того, кожистое существо напряглось, стянулось и... раздался тихий, глухой щелчок.

Палка, к которой Света так привыкла, с которой была неразлучна, хрустнула и переломилась в том месте, где тварь к ней прилипла. Это было так... так обидно! Девочка просто взбесилась, она стала колотить палкой об асфальт, надеясь, что этим причинит гадине вред, но тварь была очень, очень крепкой, она даже не выпустила из своих «объятий» отломанный конец палки, он так и болтался безвольно туда-сюда при каждом движении.

Хорошо, что Света не до конца потеряла самообладание из-за такой утраты, она успела бросить короткий взгляд на силача. Ой! Он был совсем рядом! Оказывается, это большое существо могло быстро передвигаться! Девочка кинулась бежать, сразу рывком набрав максимальную скорость. Она летела по пустой и тихой улице, между мёртвых домов и развалин, неся, как флаг, в руке сломанную палку с прилипшей к ней кожистой тварью. И палку она держала так, чтобы гадина была от неё подальше. Нужно быть осторожной, вдруг прыгнет? Света бежала быстро, очень быстро, может, это из-за фикуса, а может, из-за того, что слышала, как в удивительной, мёртвой тишине этого района сзади шлёпает по горячему асфальту босыми ногами чёрный силач.

Палку, конечно, ей было очень жалко, но вот то, что она уволокла у силача эту его дрянь, очень радовало девочку.

Только вот недолго, тварь как будто почувствовала, что отдаляется от хозяина слишком далеко, она обмякала и сползла, свалилась на землю вместе с обломком палки. Нет, оставлять силачу его оружие девочка не собиралась, зря она, что ли, рисковала? Поднимать это с земли? Брать в руки? Нет, конечно! Света выхватила Кровопийцу и начала резать эту кожистую дрянь, а затем и рубить её. А дрянь оказалась крепкой, как автомобильная крышка, даже Кровопийца её еле прорезал. Но всё-таки резал. Светлана была сейчас и сильна, и быстра, и точна, и пару раз, как следует прикладывая силы к липкой рукояти своего оружия, она прорезала насквозь кожистую тварь. Он очень быстро двигался к ней, огромный, свирепый, ему явно не понравилось то, что она сделала с его плечом. У Светы не осталось времени закончить дело, ей пришлось бросить мерзкую кожу и бежать от него. Она побежала на юг, на ходу пряча нож в ножны и не расставаясь с обломком своей палки. Рюкзак тяжело бил её по спине, но она буквально летела над жарким маревом улицы Ленсовета в сторону станции метро «Звездная».

Пока всё у неё получалось. Всё шло по плану. Девочка, пробежав сто метров, обернулась и остановилась. Главное, чтобы силач и дальше шёл за нею. Он должен, должен идти за ней. Света увидела, как тот остановился рядом с куском своей кожи, лежащей на асфальте. Поднял её, оглядел. Видимо, ему не понравилось то, что он увидел. И после этого силач посмотрел на девочку.

«Да, да, это сделала я, злись на меня, злись!». Света спокойно стояла посреди улицы и с видимой небрежностью постукивала обломком палки по асфальту, весь её вид был вызывающим, она показывала ему, что не боится его.

Силач бережно приложил кожистую дрянь к своему плечу и аккуратно придавил её рукой. Он обращался с нею, как с ребёнком, а затем снова взглянул на девочку. А та так и стояла всё в той же позе, позе ожидания: ну, ты идёшь или нет?

И силач пошёл к ней весьма бодро. Даже издали, только лишь по его походке, девочка поняла, что он зол.

«Ну и хорошо!». Она повернулась и побежала от него, но не очень быстро, Света не хотела терять его из виду, мало того, она не хотела, чтобы и он её терял. Света всё боялась, что он отстанет, что не пойдёт за нею, и тогда её план может не сработать.

Она и не думала бежать до станции метро «Звёздная». Светлана добежала до перекрёстка и свернула к Рождественской церкви, синие купола которой смотрелись как новые. Это место в прошлый раз было очень опасным, ведь высотки по правую руку, все их балконы, были усеяны большими чёрными попугаями. Света, как только свернула к ним, не опускала головы, смотрела и смотрела вверх, чтобы не пропустить атаку. Но ни на одном балконе не было птиц. Нет, когда-то они тут были, балконы были изрядно загажены, и даже на дороге, у поребриков, валялись длинные чёрные пе-

рья, но самих птиц тут не было. Ни на балконах, ни в небе, ни на чёрных деревьях.

Светлана, добежав до конца улицы, прежде чем выбежать на Московское шоссе, обернулась: идёт ли?

Фу-у, всё в порядке, силач показался на перекрёстке, он послушно шёл за нею.

Теперь Света волновалась, она была близка к своей цели. Главное, чтобы он шёл, чтобы не сорвался.

Тут очень тихо, даже солнце здесь уже не так печёт. Московское шоссе, Рождественская церковь, а чуть левее неё – вон он, уже виднеется. Тихий, как картинка. Спокойный и очень красивый...

Белый лес. Станный лес, в котором «снег» не падает на землю, а медленно улетает в небо.

Туда-то и вела его Света. Она не очень быстро – всё боялась, что он потеряет её из вида, – перешла шоссе и пошла вдоль ограды церкви. Девочка обернулась и порадовалась: всё было в порядке, он шёл за нею. И она свернула к лесу.

На самом деле это не снег, это белый-белый пепел, он устилает всё толстым ковром, в котором гаснут последние звуки. Дальше – полная тишина, дальше не будет даже звуков шагов.

Уже у первых деревьев Светлана остановилась, скинула рюкзак; она видела его, он был не так уж и далеко, но Света не торопилась, она достала из рюкзака одну из бутылок с водой, открутила крышку и стала пить. Она очень хотела

пить, и не беда, что вода в бутылке была почти горячая, вода есть вода. Светлана пила, даже когда почувствовала, что напилась. Ей пригодится выпитая вода, с ней девочке будет легче.

Его немного удивило поведение цели, она теперь не убежала, шла медленно. Охотник был в этом мире недавно, а в этом месте впервые, и повадок цели ещё как следует не изучил; он подумал, что она просто устала, вот и не торопится. Экономит остатки сил. Устала и думает спрятаться в этом неприятном месте. Он остановился, когда его ступни утонули в белом теплом ковре. Ему тут не нравилось. Здесь в воздухе ощущался сильный привкус гари, он чувствовал эту мерзость не только носом, но и нёбом. Одноглазый подумал, что цель затем его сюда и привела, чтобы спрятать свой приятный аромат, смешав его с запахом гари. Нет, ей это не удастся, он прекрасно чувствовал её благоухание, и никакая вонь не могла его заслонить.

Он немного постоял, прежде чем войти в эти заросли медленно горящих растений. Ему было душно, но он подумал, что если цель, простое смертное, низшее существо может тут находиться, то ему, созданию Бледной Госпожи, и вовсе нечего опасаться.

Ей сейчас казалось, что это были самые волнительные секунды, которые она переживала за последнее время. Хотя

волнительных секунд в её жизни за прошедшие пару месяцев было очень много.

Силач остановился перед входом в лес, когда до первых деревьев ему оставалось пройти десяток шагов.

«Ну, давай... Ну, давай же, не стой!».

У Светы чуть сердце из груди не выскочило, пока он стоял и размышлял, идти ему или нет. И какое же облегчение она испытала, когда он всё-таки двинулся по её следу.

Белые деревья, белый ковёр из пепла, чёрный силуэт силача. Всё нормально.

Девочка даже подождала его, чтобы у него появилась мысль, что она совсем рядом. Она снова пошла, лишь когда он сократил дистанцию между ними до двадцати шагов. Теперь, когда она порезала кожистую тварь, Света могла делать это, она надеялась, что теперь тридцать и даже двадцать шагов для неё дистанция безопасная. И теперь ей было необходимо увести его в лес как можно дальше, дальше, чтобы он уже не смог вернуться. Поэтому девочка и рисковала, давая ему так близко подобраться к себе.

Белые деревья, белый ковёр из пепла, чёрный силуэт силача.

Она уже завела его далеко, тёмный фон опушки уже не просматривается.

Шаг, шаг, шаг... Она останавливается и оборачивается – всё в порядке: он идёт за нею. И снова она делает несколько шагов. Вся её одежда уже мокрая, волосы на лбу тоже, ей уже

становится душно, но девочка идёт и идёт вглубь леса. Идёт не спеша, не спеша: пусть он её видит и чувствует, главное, чтобы он не повернул обратно. Ей уже самой непросто дышать, дыхание учащается, но надышаться всё труднее. Голова и ноги становятся тяжёлыми, она это чувствует, но и не думает останавливаться: только бы он и дальше шёл за нею. А он шёл. Спокойно и размеренно. Девочка опять остановилась. Странное дело, но тут, в этом лесу, она чувствовала себя в безопасности. Лес мёртвый, враг у неё здесь только один, главное – не терять его из виду, а сзади никто напасть не может. А тот, который может... Он вдруг покачнулся. Свете это не показалось. Он точно покачнулся и плечом задел дерево. Совсем чуть-чуть, едва прикоснулся, но с ветвей тут же полетели белые хлопья. Часть полетела вверх, но самые тяжёлые падали на силача.

С чего бы ему качаться на ровном месте, при размеренном шаге? Света обрадовалась, она его прекрасно видела, видела, как расширяется при вздохе его необыкновенно мощная грудь, часто, часто, часто... Как будто он только что, со всей своей массой, пробежал спринт. Его огромные ноздри втягивают и втягивают едкий воздух мёртвого леса. Девочка видела всё это, она поворачивалась и смотрела на него, наблюдала за ним, уходя и уводя его в лес всё дальше и дальше.

Белые деревья, белый ковёр из пепла, чёрный силуэт силача. Но ей нужно вести его ещё, ещё дальше.

Девочка ушла с той просеки, по которой обычно бегала к

Черте, ей и самой можно было поволноваться: тут вокруг всё было одинаковое, солнца из-за мелкого пепла, висевшего в воздухе, не было видно, она могла заблудиться. Света понимала это, но подобная опасность её не останавливала. Она знала, она точно знала, в какой стороне находится Черта, и была уверена, что в любом случае выйдет к ней. И делала всё, чтобы силач к ней не вышел, Светлана вела его вдоль Леса, стараясь увести как можно дальше от места, где он в него вошёл.

Силач остановился. Так останавливаются пожилые люди на нелёгком пути, чтобы перевести дух. Света тоже остановилась.

«Прекрасненько. Не спеши, постой ещё. Постой и отдохни».

Она видела, как он широко разевает пасть, как тяжело дышит, видела, что ему нелегко. Ей и самой было непросто, но то ли оттого, что она тут уже бывала, а может, из-за фикуса, она всё ещё была в силах. Светлана стала ждать, пока он снова начнёт двигаться. И тут же она оказалась на волосок от смерти... Света всего на пару секунд потеряла бдительность и просмотрела тот момент, когда силач вдруг кинулся к ней, именно кинулся, он побежал, побежал так быстро, как ещё никогда не бегал. И оказался от неё буквально в десяти шагах, когда она спохватилась. Ей пришлось стартовать со всей возможной скоростью. Она пискнула и понеслась между белых деревьев прочь от него, чуть не потеряв обломок

своей палки. Девочка не слышала его топота, ковёр из пепла глушил все звуки, но знала, что силач ещё бежит и бежит за нею. И в то же время девочка радовалась этому: пусть бежит, так всё закончится быстрее. Света пробежала метров двести, повернулась назад и обрадовалась. Силач уже не бежал, он даже не шёл, стоял, опираясь на ствол дерева своей огромной лапой, и тяжело дышал. Нет, даже не тяжело... Его дыхание больше походило на судороги грудной клетки. Света и сама задыхалась после пробежки, но сейчас ей было всё равно. Нет, силач не притворялся, он всё быстрее и быстрее вытягивал в себя воздух, его пасть была открыта так широко, что шире открыть просто невозможно, он закидывал голову, шатался, тихонько порывивал на коротком выдохе, но надыхаться не мог, не мог, не мог...

Света придумала, как убьёт его, придумала ещё там, в развалинах дома на улице Гастелло, когда разглядела его вблизи. Она поначалу тогда даже ужаснулась, увидев, насколько он большой и мощный. Она поразилась тому, как он дышит. Как много он вдыхает!

И тогда же... тогда она сообразила, что в этой огромной груди должно быть огромное, величиной с ведро, сердце, которое гонит и гонит десятки литров крови в его большую голову, чтобы питать его большой мозг. Сердце, которое гонит кислород в эти горы мускулов. Да, ему нужно было очень много воздуха, много кислорода, которого тут, в лесу, почти не было. Уже тогда Света поняла, что главное его сюда заве-

сти, а дальше у неё всё получится. И у неё получилось.

Силач держался за дерево, держался, дышал-дышал, а потом и завалился на мягкий ковёр из белого пепла. Упал на спину и остался лежать, даже и не пытаясь встать; он всё ещё вдыхал воздух, но его дыхание уже больше походило на спазмы. А потом и они прекратились. Минуты не прошло, как он застыл. Света осторожно стала к нему подходить, вдруг ещё жив, вдруг задержал дыхание – притворяется. Но когда подошла и остановилась в пяти шагах от него, то поняла: силач был мёртв. Его единственный глаз, который, кстати, находился больше в левой части лица, был оранжевым от полопавшихся в нём сосудов.

Девочка подошла ближе и ткнула его палкой. В бок, в щёку. Даже в глаз – силач не пошевелился. Нет, он был по-настоящему мёртв. Окончательно мертв. Дело было сделано. Она и сама себя чувствовала нехорошо, нужно было убираться из этого прекрасного и проклятого места. Но ей кое-чего захотелось...

Приз! Трофей! Ей была нужна награда, подтверждающая её победу, и она вытащила из ножен Кровопийцу. Светлана никогда в жизни ничего подобного не делала, но всё равно решила на это. Ещё раз убедившись, что он мёртв, – девочка для этого вогнула ему тесак на половину лезвия под рёбра, – стала отрезать ему его мощную ладонь.

Как и кожистая дрянь, его рука резалась плохо, кожа толстая и прочная, кости вообще как камень. Она задыхалась,

обливалась потом, перемазалась его густой и пахучей кровью, но всё-таки отпилила ему левую ладонь. Света хотела показать её Любопытному, а может, и Сильвии. Чтобы они все знали, на что она способна. И эта рука ей показалась дороже всех её медалей и кубков. Это был её самый ценный трофей.

Глава 4

Она и сама не помнила, как вышла из леса; в ушах звенело, перед глазамиплыли даже не круги, а целые тёмные озёра, сердце билось так, что девочка слышала каждый его удар. Света шла, едва переставляя ноги, почти ничего не видя перед собой и почти ничего не слыша, она буквально потеряла контроль над собой, но даже в этом помутнённом сознании смогла догадаться, что от белого ковра и белых деревьев нужно отойти подальше.

Подальше, прежде чем можно будет позволить себе рухнуть на землю и перестать двигаться. Перестать шевелиться вообще. Отдышаться. Там, лёжа на почти белом гравии, она медленно приходила в себя. Чувствуя, как сначала перестало бешено колотиться сердце, а потом и отступило марево перед глазами. Сколько Светлана так пролежала, она не могла сказать, но когда навязчивый звон в ушах превратился в лёгкое шипение, Света села. Ей опять сильно хотелось пить и есть. Она собиралась достать бутылку из рюкзака, а руки липкие. Сначала девочка не поняла, что с ними, но взгляд

её случайно упал на огромную, чёрную лапищу силача. О! Она её не потеряла, даже в полусознательном состоянии, даже задыхаясь, тащила эту дрянь по лесу, не бросила. А лапа и вправду была огромной, и ей стало ясно, почему у неё всё липкое и чёрное. И руки, и одежда были перепачканы его кровью. Ну и Бог с ним. Света достала новую бутылку воды и открыла её. Много выпила, после чего поняла, что это только обострило её голод.

Только теперь Светлана огляделась. Ой, а она тут никогда не была. Девочка вышла из Леса намного южнее того места, где входила. Синие купола церкви отсюда едва виднеются. Невдалеке возвышается куб из разных железных штук. Света с трудом угадывает, что это за здание. Это торговый комплекс «Континент», она в нём была пару раз. Но тут с него словно содрали кожу и мясо, оставив только «скелет» здания.

Резкий звук привлёк её внимание; через дорогу от неё были дома, а из одного окна дома, с третьего этажа, вывалилось и полетело вниз стекло. В той тишине, что висела вокруг, это было очень громко. Девочка вскочила – стёкла сами собой из окон не выскакивают. Она схватила рюкзак, палку, лапищу силача, и всё это сделала, не отрывая глаз от опасного дома. Но там ничего не поменялось, никто в окне не мелькал. Вокруг вообще никого не было, сколько Света ни крутила головой. Но всё равно, сидеть тут было... стрёмно, вся эта тишина, вся эта пустота вокруг, спёртый неподвижный воз-

дух, какое-то нежаркое солнце... Тут всё было не такое, как везде, а какое-то... мёртвое! Девочка вскочила, ей совсем не хотелось тут находиться, и хоть она ещё не пришла в себя после Леса и всё ещё не до конца восстановила дыхание, тем не менее она потихоньку побежала на север. А за спиной раздался треск, глухой, но весьма отчётливый. Она повернулась и увидела, как с того дома, из которого падали стёкла, летели крупные пласты штукатурки. Она увидела, как по фасаду проползла неширокая трещина от третьего этажа до фундамента. Девочка прибавила шага, ну его... Правильно Сильвия говорила, чем ближе к Черте, тем страшнее.

Этот водитель его раздражал, он всё время разговаривал и разговаривал. Он был ярый антипрививочник, ругал власти и всё выпытывал у Виталия Леонидовича, будет ли он прививаться. И когда узнал у Роэ, что тот прививаться не собирается, то, найдя в пассажире родственную душу, стал болтать ещё больше. Ну, хоть курить не запрещал. Попросил только открыть пошире окно.

– Здесь направо, – произнёс Виталий Леонидович, надеясь, что шофёр сменит тему.

– Да я тут всё знаю, – сразу отозвался водитель, – вот Шунгеровский лесопарк, я тут зимой на лыжах катаюсь.

– Прекрасно.

– Да, а летом сюда с собакой приезжаю, пробежаться, это так хорошо на меня влияет, прямо как новые лёгкие получаю

после пробежки, только вот клещей тут много, в прошлую весну Альма, собака моя, подцепила клеща. Представляете?

– Угу.

– Да, пришлось к ветеринару везти, тысячу восемьсот с меня взяли. Кстати, а вот, – шофёр указал на двухэтажный особняк, – вот это дом цыганского барона.

Виталий Леонидович не ответил. Он знал, что это не так.

– Вон какие они деньги на наркоте зарабатывают, – продолжал водитель.

– А вот здесь направо, – произнёс Роэман, показывая ему, где свернуть. – Вот... Вот тут.

– Тут? – машина чуть притормозила. – Да тут дороги нет.

– Как нет? Вот же перед вами дорога.

– Просёлок? Я там «сяду»! Вон какая грязь. Лужи...

– Не сядете, не волнуйтесь. Поезжайте.

– Точно застрянем, – шофёр нехотя свернул с асфальта. –

А куда хоть ехать?

– Вон дом, видите, – Роэ показал ему на домишко, стоящий почти в поле, на опушке леса.

– Дом? Там разве живёт? Он, кажется, заброшенный!

– Никакой не заброшенный. Езжайте, – Виталий Леонидович начинал уже злиться.

Покачиваясь на ухабах и объезжая лужи, такси наконец доехало до гнилой и чёрной от старости лачуги, которую Роэман называл домом.

– Я скоро, – Виталий Леонидович вышел из машины и

подошёл к кривой, висящей на одной петле калитке.

Впрочем, тут всё было подстать этой самой калитке – завалившийся забор, кривой сарай, сам дом. Он вошёл во двор и подошёл к покосившейся двери дома, остановился. Ему показалось, что кто-то в сарае, который примыкал к дому, скучит. Не то чтобы ему было интересно, но... Он сделал пару тихих шагов и открыл дверь сарая.

Там, в полутьме, у стены, сидел на старом ведре белокурый мальчик, лет семи-восьми, он весь сжался, одежда на нём была сырая, ему было холодно, и он, пошевелившись, чем-то звякнул негромко, всхлипнул и стал кашлять. Сначала Роэ не понял, что это у него на шее, но потом разобрался. На мальчишке был ошейник, и он был прикован цепью к стене. Мальчик большими испуганными глазами смотрел на Роэмана, а тот даже в полумраке сарая разглядел на лице ребёнка кровоподтёки. Но это всё его не касалась, Виталий Леонидович, не произнеся ни звука, закрыл дверь. В сенях было темно.

– Кто? Кто там лазит, а? – донёсся низкий женский голос. – А ну-ка... выходи. Прокляну! Сволочи!

Он открыл дверь из сеней в комнату. В доме было не лучше, чем в сарае, может, чуть теплее, но так же сыро и отвратительно, как и там, только ещё воняло сырым тряпьем и гнилью. А у старой обшарпанной печи в углу грелись четыре огромные, жирные кошки, противные. Все они тарасились на вошедшего. А он оглядывал их: ну конечно, как тут без

них. Без кошек в таких местах никак.

– Я думал, ты знаешь, – произнёс Роэман, входя из тёмных сеней на свет к окну.

Он сразу увидел её и совсем не удивился тому, что за несколько лет, что они не встречались, она совсем не изменилась. Большая бабища, в куче грязных юбок до пола, не седые, а пегие космы-сосульки, выбивающиеся из-под старого цветастого платка. Она повернула голову в его сторону: так и есть, он узнаёт её глаза, они мутно-серые, в них нет зрачков, плоская морда бабищи в крупных родинках, из которых растут длинные седые волосы, в узловатых, артритных руках она держит трость, бадик, из тех, с которыми ходят многие старухи. Она тяжело опирается на него.

– Роэ, ты? Ты, что ли? – баба, кажется, удивлена.

– Злата, Златочка..., – Роэман обходит комнату, брезгливо осматривает стол с грязной посудой и плохо обглоданными костями, – а ты всё та же красotka.

– А я думаю, что за пёс поганый таскается у меня по дому?

– Раньше ты меня сразу угадывала. Что, потеряла сноровку? Или это я изменился? – миролюбиво начал Виталий Леонидович.

– Изменился. А то нет, что ли? С рылом-то твоим что случилось, а?

Роэман уже и позабыл, что он за последнее время и впрямь немного поменял внешность. И теперь это замечание старухи его, признаться, укололо. Раньше он пропускал

мимо ушей любые колкости и оскорбления, но сейчас, когда его лицо стало, мягко говоря, таким непривлекательным, упоминание об этом его раздражало. Впрочем, он уже понял, что его раздражали не только замечания, но и всё вокруг. Он устал. Устал от всего этого. А старая тварь ещё и доливала масла в огонь:

– Ты, говорят, стал служить сильным, да? Правда? – она усмехается. – Не они ли тебе морду скривили?

– Речь сейчас идёт не обо мне, Златочка, – подавив в себе желание переломать ей кости, ну, например, челюстную кость, заговорил он.

– Так чего тебе надо, пёс? – весьма резко говорит баба.

– Мне от тебя? – Роэман хотел сесть на табурет у стола, но посмотрел на него, и ему стало жалко свой плащ. – Мне от тебя ничего не нужно, я вот думаю, как вам свой нож вернуть.

– Нож вернуть? – спросила баба немного удивлённо. – Наш нож?

– Ну да, вы же свой семейный нож потеряли.

– Из-за тебя, уroda, потеряли... Из-за тебя, – зло напомнила она.

– Ну так он у той девки, – сказал Роэман, хотя наверняка этого не знал, – нужно его просто у неё забрать.

– Ты, ублюдок, что, не слышал, что тебе мои дочери говорили? Не слышал, ублюдок? – Роэ только морщился в ответ. – Нельзя к этой девке подойти, ты, что, не слышал, что

её хранит Гнилая?

– Да слышал, слышал, – отвечал Виталий Леонидович, доставая сигареты, – я её даже видел.

– Видел?

– Видел-видел, она моего Мартышку забила его же топором.

– А-ха-ха... – она смеётся. Эта новость её, кажется, порадовала. Но тут же спрашивает: – Так зачем ты меня под это дело подводишь? Смерти моей желаешь?

«Если бы я хотел твоей смерти... Я прямо сейчас оторвал бы тебе твою омерзительную башку». Роэман подумал, что, может быть, сделал бы это даже с некоторым удовольствием. Впрочем, он, кажется, начинал звереть. Это от недосыпа, наверное; ему нужно было держать себя в руках. Да, в руках, и он произнёс:

– Не носи ерунды... И прошу тебя, сделай, пожалуйста, глаза нормальными.

Старуха исполняет его просьбу, и у неё из-под лба, из-под верхних век выкатываются карие, пронзительные глаза. Она сморит на него: ну, говори.

– Ну, так намного приятнее с тобою разговаривать, – говорит Роэ и продолжает: – Я верну тебе нож.

– Как? Его забрала Гнилая.

– Ещё раз повторяю, ваш нож Повелительнице Мокриц не нужен, он у той самой девки, которую вы мне обещали резать.

– И как его забрать?

– Как забрать? – тут Виталий Леонидович делает паузу. – Я его тебе принесу... Найду и принесу, как только девка сдохнет.

– К ней не подойти, ублюдок! – почти орёт баба. – Ты, что, не слышишь меня? Её хранит Гнилая!

– А ты к ней и не подходи, – спокойно отвечает Роэман. – Зачем тебе к ней подходить? Ты к её отцу подойди, используй свои эти штучки.

Она смотрит на него и, кажется, ещё не понимает.

– Папаша её инвалид, весь в долгах, – поясняет Виталий Леонидович. – Тянет семью, пашет на двух работах. Твои фокусы могут с ним сработать.

Кажется, она начинает понимать.

– На мужиков умение моё не на всех действует, – отвечает она.

– Знаю, Златочка, знаю. Но ты попробуй, вдруг выйдет, говорю же, он загнанный, работает – неба не видит. Может, твои фокусы с ним и пройдут. Ты, главное, попробуй.

Она морщится, седые волосы на её родинках топорщатся. Злата сомневается, и Роэ добавляет:

– Ты просто попробуй, и я обещаю, получится у тебя или нет, неважно, я верну тебе нож, если найду.

– Мне сначала нужно будет увидеть девку, – наконец говорит баба.

– Не забывай, с нею будет Хозяйка Могил, – напомнил ей

Роэман.

– Просто увидеть, – настойчиво повторяет Злата. – Надо знать, на что упираться в разговоре с отцом.

– Прекрасно, дать тебе адрес девки?

– Не надо. Спрошу у дочерей, – отвечает она. – Они тебя помнят и проклинаяют.

– Извинись перед ними за меня, я не знал про Хозяйку Могил, – Виталий Леонидович повернулся и дошёл уже до двери. – Кстати..., – он опять обернулся к ней. – А что там у тебя за ребёнок в сарае?

– Не твоё дело! – взревела старуха. – Слышишь, не твоё собачье дело, ублюдок!

– Конечно, не моё, я так спросил, ради интереса... Просто хотел знать – ты детьми торгуешь или, быть может, жрёшь их, как баба-Яга из сказки?

– Вон пошёл! Вон пошёл, пёс..., – орала баба. – Ублюдок!

– Да ладно тебе, я просто спросил... Из любознательности, – Роэман усмехнулся и вышел из комнаты.

Глава 5

А вот и попугаи, это было странно, но этих птиц теперь было в небе полно. Даже не добежав до церкви, она увидела несколько чёрных точек в небе. Ей сразу расхотелось бежать дальше в ту сторону, поэтому Света свернула в кварталы, что были справа от неё. Она уже бывала здесь, через эти дома её проводил Любопытный. Так что эту дорогу девочка

знала.

Она добежала до детского сада, забор которого утонул в густой растительности. Растительность – вещь опасная, от неё желательно держаться подальше. Света пробежала мимо садика быстро и уже на углу дома вскрикнула от неожиданности. В этих мёртвых местах, где практически нет звуков, кроме звука её собственных шагов, где ничего, абсолютно ничего не движется, она заметила краем глаза движение, быстрое и совсем рядом.

Она сразу прибавила хода, пробежала немного и обернулась. Волновалась она напрасно.

«Вот дуры! Зачем вы сюда забрались?»

На куче строительного мусора стояли и смотрели на неё две собаки. Нет, не взрослые собаки, а щенки. Взрослая собака доросла бы Свете до бедра, а эти были чуть выше её колена. Точно, щенки, совсем не большие собаки, да ещё и тощие. Реально тощие, кости торчат во все стороны. Света любила животных, в том числе и собак, вернее, собак даже больше, чем других, и этих заморышей ей стало жалко: они тут подохнут. И, чуть подумав, девочка размахнулась и кинула в их сторону тяжеленную лапу силача, которую до сих пор тащила с собой, держа её за средний палец. Рука, честно говоря, ей надоела – тяжёлая. Пара килограммов или даже больше. Одна из собак твякнула, вроде как поблагодарила. Светлане показалось это милым. Хорошие собачки. Но вниз они спускаться не спешили, наверное, боялись её. Све-

та ждать не стала, повернулась и побежала в сторону улицы Ленсовета. Пробежав метров пятьдесят, она ещё раз обернулась и увидела, что собаки спустились с кучи и уже рвут лапу силача, тащат её в разные стороны. Это было хорошо. Этих худых собак ей было жалко. Она улыбнулась и побежала дальше.

Кажется, от голода. Да, ей показалось, что она проснулась от голода. Ну, и от жажды. Светлана встала и тихонечко подошла к братьям. Они спали. Хотелось их погладить, но побоялась разбудить. До подъёма в детсад ещё было время. Она была голодна, но прежде чем пойти на кухню, сначала подошла к окну. Сырое тёмное утро. Кто-то из соседей уже сел за руль своего авто и выезжает из двора. Листья жёлтые засыпали весь асфальт и всю детскую площадку. Дворнику мука. Светлана смотрит в окно и не чувствует никакой тревоги, её чёрные пальцы так же расслаблены, как и все остальные. Во дворе после случая в подъезде никого не было. Она в этом была уверена.

Точно! Пальцы! Девочка с замиранием сердца подносит их к глазам. И не зря у неё замирало сердце. Даже тут, у окна, в пятне света от уличного фонаря Светлана видит, что чернота продолжает растекаться по её руке. Сок фикуса уже был не такой насыщенный, как поначалу. Ладонь и запястье были уже не тёмные, как сразу после нанесения, а скорее серые. И на фоне этой серости черноту было прекрасно видно. Эти

«чернила» перебрались через сгибы, и уже заливали третьи фаланги пальцев, теперь черноту уже не скрыть. Даже если пальцы сжать в кулак, всё равно заметны чёрные костяшки. Странно, но её это не очень опечалило. Вчера, позавчера, три дня назад, она каждое утро пребывала в ужасе, глядя на свои пальцы, а теперь... Теперь она боялась совсем другого. Она, стоя у окна и разглядывая свою ладонь, боялась узнать новости о Владе. Вот что по-настоящему пугало девочку. А ведь сегодня, скорее всего, она их узнает, даже если так и не будет принимать вызовы от его мамы. Нет, ей нужно было от этого отвлечься. Тем более, что голод её не ослабевал. И она, не одевшись и не почистив зубы, не смыв с себя остатки сока фикуса, пока было время, пока братья не проснулись, пошла на кухню и принялась есть. Сначала хлеб. Простой хлеб, даже без масла ей было очень вкусно есть. А потом она начала выметать из холодильника всё съедобное, и есть, есть, есть. Обалдевая от вкуса самой простой еды. Так она и ела, пока не начались судороги. Ну а как иначе, за фикус, который придавал ей силу, ловкость, выносливость и уверенность в себе, приходилось расплачиваться. Она, чуть скорчившись, поспешила в ванную, пока братья не встали.

Света залезла под душ и только там вспомнила, что её подрал тупой кот. Боль от ран, оставленных его когтями, её донимала не сильно. Да и царапины, как ей казалось, будут глубже, серьёзнее. Но нет, на ней всё заживало на удивление

быстро. И даже судороги в этот раз были и легче, и короче, чем в предыдущий, немного покрутило мышцы в животе, в прессе, ещё в икрах и ягодицах, все остальные спазмы можно уже было спокойно терпеть. Когда близнецы стали ломиться в ванную, судороги почти закончились, и девочка уже смыла с себя серо-фиолетовый окрас, который оставлял сок фикуса.

Она оделась. На этот раз надела на руки чёрные перчатки, иначе пальцы было уже не спрятать, также ей пришлось надеть и медицинскую маску, которую раньше без нужды не надевала.

Странно было бы носить перчатки, не надевая маски.

– Свет, а это зачем? – поинтересовался за обоих братьев Макс.

– Чтобы не заразить маму ковидом, у нас в школе часто кашляют, я теперь всё время так буду ходить, – отвечала девочка, выводя близнецов в парадную. Она закрыла дверь, свела их на первый этаж и сказала:

– Постойте тут.

Мальчишки стали что-то бубнить, но сестра их не слушала, она приоткрыла дверь и выглянула во двор. И... ничего не почувствовала. Она не чувствовала никакой опасности. Тех уродов, что следили за нею и порезали Влада, поблизости не было.

– Свет, Свет, а где твой Пахом? – спросил Колька, оглядываясь. – Он, что, не придёт сегодня?

– Не Пахом, а Влад, – отвечала девочка.

– Так он не придёт? – не отставал от неё брат.

– Нет, – сказала она и заплакала.

Света попыталась отвернуться, но и Коля, и Максим увидели её глаза, залитые слезами:

– Свет, ты что? Что плачешь?

– Идите быстрее, – строго сказала она, стараясь, чтобы в голосе не звучали слёзы, – давайте, шагайте, мне ещё папе завтрак готовить, он скоро уже придёт.

Так и шла дальше, стараясь сдерживать слёзы, которые всё текли и текли. А братья шли чуть впереди и всё время оглядывались на неё. Тоже переживали. И Света была им благодарна за то, что они больше ничего у неё не спрашивают. Маленькие, а умные.

Отведя близнецов в садик, она сбегала в магазин, отпустила Нафису, хотя та ещё не сдала смену. Работу сиделки Света решила сделать сама. Так ей было легче, так она не думала о Владике. Девочка быстро провела санитарные процедуры, сменила маме катетер и перевернула её, потом приготовила папе омлет с сосисками – он должен был вот-вот прийти, – и тут у неё зазвонил телефон. «Только бы не Анна Владимировна, только бы не она! – молила девочка, беря в руки трубку; меньше всего на свете сейчас она хотела говорить с матерью Владика. Света до смерти боялась услышать от неё обвинения в том, что это она виновата в... смерти Владика? Фу, её даже от одной этой мысли пробил пот, руки вспотели,

они дрожали. – Нет, только не это!».

Слава Богу: «Сильвия».

– Алло, – тихо говорит девочка. Последний их разговор, и особенно глаза маленькой женщины, она помнила очень хорошо.

– Привет, Света.

– Привет..., – Светлана чуть подумала и назвала её настоящее имя, – привет, Марина.

– Я звоню тебе, чтобы узнать, у тебя всё в порядке?

«А, понятно, она звонит, чтобы узнать, жива ли я».

– Да, со мною всё в порядке.

– Очень хорошо, – маленькая женщина, замолкает, думает, а потом продолжает: – Слушай, у нас вышел не очень приятный разговор, я просто была в не совсем нормальном состоянии. Понимаешь?

– Угу, – это Света понимала. Она то состояние Сильвии на всю жизнь запомнила, особенно её страшные глаза.

– То существо, ну, которое за тобой шло... Оно, как мне показалось, не наше... Оно, ну, я так думаю, порождение. Оно слишком сильное.

– Порождение? А что это? – не поняла Светлана.

– Ну, понимаешь, это создание, которое создано высшими... Мне так кажется. Его так просто не убить. – Сильвия сейчас не без труда подбирала слова, девочка за нею такого ещё не замечала, обычно она говорила бойко и уверенно. – И если оно идёт за тобой, и только за тобой, то у тебя про-

блемы.

Света уже хотела сказать, хотела похвастать тем, что она эту проблему решила, но маленькая женщина продолжала:

– Я знаю одну вещь, которая тебе поможет... Ну, может помочь тебе от него избавиться.

– И что это такое?

– Роза, вернее, шип розы.

– Шип розы? – Света не поняла, о чём говорит Сильвия, что это ещё за шип какой-то?

– Да, но это не простой шип, этот шип убивает даже малышей, это такие огромные мужики, может, видела, они ходят на карачках, вернее, на четырёх конечностях, как обезьяны, сами до второго этажа достают, кулачищи с меня...

– Я видела таких, – сказала Света. – Одного около «Радуги», ещё двух около вонючей реки.

– Да-да, они как раз там и обитают, – продолжала Сильвия. – Так вот, если уколоть даже такого большого мужика, он сначала оцепенеет, а потом умрёт. Яда в шипе хватает.

– И где взять такой шип? – спросила Света.

– Я знаю одно место, я тебе его покажу; вот только, – маленькая женщина сдала паузу...

– Только... что?

– Только ты не приводи за собой того, чёрного. Ладно?

– Не волнуйся, он очень медленный, – произнесла Света, она решила, что не будет пока говорить Сильвии правду, – я могу надолго отрываться от него.

– Хорошо, но это будет непросто, розы растут у воды, я одну видела, она растёт в парке.

– В парке Победы?

– Да, недалеко от Московского проспекта, с той стороны.

– Хорошо, где мы встречаемся? – спросила Света; она подумала, что шип розы, если он действительно такой, как говорит Сильвия, ей точно не помешает.

– Давай у центрального входа, – предложила маленькая женщина.

– Хорошо.

– Только ты ложись спать не позднее одиннадцати.

– Хорошо, – обещала Светлана.

Она не могла понять, как ей это удаётся, но Света знала, когда папа приходил домой весёлым. Кажется, он как-то иначе стучал своими костылями.

– Светка... Дочка, ты где?

Вот теперь она была уверена, что у папы хорошее настроение.

– Пап, я тут, – она вышла с кухни. Отец подошёл и обнял её, – иди, я тебе омлет приготовила с сосисками.

– Отлично, сейчас руки помою.

Светлане не было особенно весело, мало того, она только что, после разговора с Сильвией, чуть снова не начала плакать, но тут часть папиного хорошего настроения передалось ей.

– Слушай, а ты что в перчатках? – спросил отец, моя руки.

– За мамой убирала, и теперь всё время буду носить, хочу привыкнуть, чтобы и на улице, и в школе не снимать их. Я теперь и маску буду носить везде.

– Маму боишься заразить короной? – спросил отец, вытирая руки.

– Угу, у нас в школе всё время кто-то чихает, первоклашки всякие, – Света передала ему костыли.

– Ты у меня умница, – он улыбался и одной рукой обнял её, у него и вправду было хорошее настроение. – Иди, я сейчас приду.

Она уселась за стол и стала его ждать, есть не начинала. Папа пришёл, сел на своё место у окна, и когда девочка положила ему еды в тарелку, он заговорил:

– Слушай, Светка, помнишь, я говорил про мужика, который хотел купить рубль екатерининский, который хотел экспертизу делать...

– Ну, помню, помню, – кивала Света, уплетая омлет.

– Так он мне только что звонил, – папа буквально сиял.

Света уже сто лет не видела, чтобы отец так радовался.

– И что он сказал?

– Он сказал, что монета подлинная, слышишь? Подлинная. Ещё сказал, что лучшей сохранности эксперт не видел, в общем, этот мужик привезёт сегодня нам сто двадцать шесть тысяч.

– Круто, па! – сказала девочка. Хотя в последнее время

деньги уже начали терять свой блеск и свою притягательность. Например, все те деньги, что лежали у неё в столе, да ещё и тяжёлый браслет, подаренный ей Сильвией и Женей, она с радостью отдала бы только за то, чтобы Владик был жив. Всё отдала бы только за это. А ещё за то, чтобы не разговаривать с его мамой.

– Я посчитал, если, конечно, этот коллекционер не врёт и привезёт деньги, я сейчас отдам все долги Лёне (это был папин однополчанин и друг), и ещё мы закроем большую часть кредита за оборудование. Это прекрасно, Светка, понимаешь?

Девочка жевала. Она кивнула: да, па, понимаю. А прожевав, добавила:

– Па, а у меня ещё монеты есть, они, правда, не такие ценные, как рубль, но тоже каких-то денег стоят.

Отец даже есть перестал.

– И сколько же у тебя этих монет?

– Не помню, шесть или семь, – ответила девочка. – Там рубли есть, но не такие старые, монетки по пятьдесят копеек, я тебе принесу их.

– А где ты их хранишь? – заинтересовался отец.

– В одном секретном месте.

– Ну где?

– Пап, ну не спрашивай, – Свете ещё хотелось есть, но она постеснялась, вернее, побоялась, что папа обратит внимание на то, что она уже съела половину омлета, который пригото-

вила аж из шести яиц.

– Ну ладно, не буду, – согласился он. – Кстати, этот следователь-то не звонил?

– Нет, – девочка сразу напряглась. Она не хотела больше с ним видаться. Как будто это следствие велось против неё, как будто это она преступник.

– Значит, ещё позвонит, у него появились вопросы к тебе. Новые.

Этого ей только не хватало. Девочка встала и начала разливать закипевший чай по стаканам, разорвала пакет со свежей «Свердловской» булкой. Открыла маслёнку и начала нарезать сыр.

– Света, – произнёс отец, как-то по-особенному.

– Что, па?

– Я к тебе не сильно приставал с учёбой раньше.

Она замерла и уставилась на него. Ждала, что он скажет.

– В общем, кажется, с деньгами мы положение выровняли.

Надеюсь, что так...

Светлана всё молчала, не понимая, куда он клонит.

– Сейчас, когда рассчитаемся с кредитом, всё будет по-другому, и хочу, чтобы ты дала мне слово...

«Ну, папа, ну чего ты тянешь?».

– ...что ты не бросишь школу. А то ты, кажется, совсем ею манкируешь.

– Па..., – только и смогла ответить девочка.

– Светлана, дай мне слово, – настаивал отец.

– Ладно, – нехотя согласилась она. – Не брошу.

Глава 6

Светлана пришла к третьему уроку. Пришлось чуть-чуть подождать, пока закончится второй. На ней была маска и медицинские перчатки. Света думала, что из-за этого на неё так необычно реагировали одноклассники. Но маска и перчатки оказались не при чём. Урок только что закончился, она вошла в класс. Ковкин всегда всё замечал первым, вот и теперь он крикнул на весь класс:

– Фомина пришла.

Все, кто были в классе, повернулись к девочке. Самое неприятное, что после Димы Ковкина пару-тройку секунд никто ничего не говорил. Все только смотрели на неё. Народа было немного, чуть больше половины класса, но и этого Свете было достаточно. Все, все до единого смотрели на неё. И на этот раз взгляды одноклассников нельзя было назвать дружескими или заинтересованными. Они были скорее нейтрально-отчуждёнными, такими, что девочка даже позабыла поздороваться со всеми.

«Чего они так тарашатся?». Первая мысль, посетившая её, после взглядов одноклассников: Владик умер!?

Эта мысль, как удар по лицу, привела её в смятение, у неё ноги стали ватные, она прошла молча к своей парте, поставила рюкзак, зонтик и свалилась на свой стул, стараясь ни на кого не смотреть: что, правда умер? Умер? Она слышала, как

бьётся её собственное сердце. И подумала, что если это так, если он умер, то это всё из-за неё. Со всеми, кто ей дорог, почему-то случаются несчастья. Мама, папа, теперь Влад... Свете стало душно в классе, она уже хотела взять свои вещи и уйти, но тут опять всё тот же Ковкин сообщил ей на весь класс:

– Фомина, тут полицейский приходил, про вас с Пахомом расспрашивал.

– Нас всех допрашивали из-за вас, – сообщил троечник Никоненко.

– Врёт он, не всех, – сказала Свете Илона Войнович, – а тех, кто сам к полицейскому с разговорами лез. Тех и допрашивали.

«Про нас с Пахомовым?». Света повернулась к Илоне, у неё появилась надежда... Может, с Владом всё в порядке, ну, в смысле, не всё в порядке, а в смысле он жив?! И она спросила у Илоны:

– А с Владом что?

– А ты, что, не знаешь? – как-то злорадно поинтересовался Никоненко. – Он в больнице. При смерти. Ему горло перерезали.

– И сердце проткнули около твоего подъезда! – добавила Марфина.

Лиза произнесла это так, чтобы Света, да и весь класс тоже, поняли, кого она считает виноватой в этом деле.

– Так он жив? – переспросила девочка у Никоненко, на

Марфину она даже не взглянула.

– Жив, – ответил тот и добавил сурово: – Пока.

Света знала, что Мурат сейчас ткнёт её линейкой в спину, она повернулась к нему. И тот ей сообщил негромко:

– Пахомову вчера днём операцию сделали, а ночью ему стало хуже, и ему ещё одну сделали.

– Откуда знаешь? – спросила девочка.

– Классная его матери звонила, – пояснил Мурат.

– А где он, в какой он больнице?

– Говорят, в двадцать шестой, – ответил Мурат.

– А где такая? – спросила Света, вставая и забирая свои вещи.

– Не знаю, – Мурат пожал плечами.

– Кто знает, где эта больница? – девочка закинула рюкзак на плечо.

– Это за Ленинским, – сказал Митя Глушко, он всегда всё знал. – Пойдёшь по Кубинской, пройдёшь Ленинский – увидишь, она слева будет. Там огромное здание. Не ошибёшься.

Прозвенел звонок, и сразу в кабинете появилась учительница, она едва не столкнулась со Светланой.

– Фомина? Это ты куда собралась? Сейчас урок будет! А потом мне с тобой нужно будет поговорить!

– Наталья Константиновна..., – Света уже стояла в дверях, – можно потом? Мне сейчас очень нужно уйти. Очень...

– Куда? – строго спросила учительница.

– К Пахомову, в больницу, – Света сказала это специаль-

но, она бы и так ушла, а произнеся это, она рассчитывала, что кто-то из ребят или девчонок вызовется пойти с нею. Может, Мурат, или Илона, но никто не отозвался. Мурат, как и все остальные одноклассники, просто смотрел на неё.

– Ну хорошо, иди, – согласилась учительница. – Завтра поговорим.

От школы до больницы оказалось не так уж и далеко, Светлана, правда, вымокла немного, подол платья, туфельки промокли. Зонт – это всё-таки не плащ и резиновые сапожки. Она, конечно, думала, что скоро похолодает, и ей будет нужна тёплая одежда, но больше она думала о Владе. Света теперь была уверена, что с ним всё будет хорошо. Ему же сделали две операции, по-другому и быть не могло. С ним произошло ведь совсем не то, что произошло с мамой. Она была уверена, что с ним всё будет по-другому. Если не умер сразу, значит, выживет. Ну а как иначе?

Большой холл. Тут многолюдно, больные и посетители занимают почти все лавочки. Светлана отстояла очередь, заглянула в окошко, а там, за компьютером, не очень приветливая женщина-медработник в белом халате.

– Добрый день. Мне к Пахомову. Владиславу, – говорит Светлана.

– Год рождения? – спрашивает женщина.

– Мой? – уточняет Света.

– Да зачем мне ваш-то, – медработница усмехается. – Па-

хому сколько лет?

– А..., – а девочка и не знает точный возраст Влада. И она предполагает: – Семнадцать... Может быть.

– Господи, – женщина вздыхает, смотрит на Светлану осуждающе, – даже не знают, сколько лет... Вы ему хоть кем доводитеесь?

Света не знала, кем она доводилась Владу. Нельзя же сказать этой тётке, что они с Владом мутят. Мутят. И вправду слово дурацкое. И тогда Света вспоминает старое и не менее дурацкое слово: невеста.

– Я его невеста.

Ей не очень удобно, стоящая за ней женщина слышит это, а медработница смотрит на неё с подозрением, но тон меняет:

– Когда поступил жених-то ваш?

– Вчера, – сразу отвечает девочка. – Утром.

– Проникающие ранения?

– Да, – кивает Света.

Женщина смотрит в компьютер и говорит уже совсем не строго:

– К нему нельзя, он на «интенсивке».

– На чём? – не понимает Светлана.

– Он в реанимации, на интенсивной терапии, с ним проводится комплекс лечебных мероприятий, допуска к нему нет, – женщина выкладывает перед Светланой бумажку с цифрами. – Вот справочная, можете звонить, вам будут со-

общать о его состоянии, сейчас его состояние тяжёлое. Следующий!

«Реанимация, интенсивная терапия, кома». Как много она знала мерзких слов, которые были хуже и страшнее самых плохих ругательств. Для девочки, которой только должно исполниться шестнадцать, таких слов она уже знала много. Света выучила номер, который ей дала медработница, но бумажку всё равно не выбросила. Спрятала. И не успела выйти из-под козырька входа на дождь, только раскрыла зонтик, как у неё зазвонил телефон.

«Только бы не Анна Владимировна!».

Девочка достала телефон – нет. Это не она.

«С.В. Хирург». Это Сергей Владимирович; наверное, анализы пришли, которые так долго делались. И опять Светлане не по себе, она, кажется, уже устала волноваться из-за черноты, но раз хирург звонит ей, значит, что-то с анализами не так. Не хорошо.

– Да, Сергей Владимирович.

– Привет, Светлана Фомина, – его голос не очень трагичен. Это даёт ей какую-то надежду.

– Пришли мои анализы?

– Ох, Фомина, – он вздыхает, и сердце девочки опускается в пятки. – Понимаешь, эти криворукие в лаборатории запорол твою биопсию, что-то там у них не вышло.

– Не вышло? Я не понимаю, – отвечает девочка.

– Я и сам не понимаю, в общем, давай, приходи, всё сде-

лаем по новой. Приходи сейчас, чтобы я мог уже сегодня им послать новый срез. Успеешь за час до меня добраться?

– Успею, – говорит Светлана.

– Давай, жду.

У хирурга новая шапочка. Но и эта не менее дурацкая, чем предыдущая. Если бы Света была врачом, она никогда бы такое не надела. У неё были бы красивые костюмы и шапочки.

В перевязочной холодно.

Он садится, берёт свой узкий, острый ножичек:

– Ну, давай сюда.

Света стягивает с руки резиновую перчатку. Сергей Владимирович смотрит на её пальцы, потом смотрит девочке в глаза, а затем кладёт свой скальпель обратно на белоснежную салфетку к другим инструментам.

– Это что? – он берёт пальцы Светы, достаёт из стола лупу, тянет руку девочки к огромной лампе, что нависает над ними. – Это так разрослось?

Он спрашивает, а девочке нечего ему ответить. Разве что сказать: да, это разрослось так, что я теперь ношу перчатки.

– Вот зараза, – он всё разглядывает и разглядывает её пальцы, переворачивает, рассматривает ногти Светы. Абсолютно чёрные ногти. И наконец хирург произносит. – Ладно, я понял, дело не терпит отлагательств.

Света соглашается молча, кивает: да, не терпит. Если пря-

мо сейчас он предложит ей отрезать чёрные пальцы, она сразу согласится. Хотя ей уже и не так страшно, как было пару дней назад. Но Сергей Владимирович ей ампутацию, конечно, не предлагает:

– Сейчас ещё раз возьму срез на биопсию и сегодня же встречусь с Гайворонским, сейчас ему позвоню. И мы с ним что-нибудь придумаем. Дай-ка я для начала эти твои пальцы сфотографирую.

Он взял срез на биопсию, сделал не менее десятка снимков её пальцев на телефон, а потом отпустил. И Света пошла домой, но перед этим зашла в ТК «Радуга». Купила себе плащик и красные резиновые сапожки на каблук. Ну, если с пальцами творится не пойми что, то хоть одежкой себя порадовать.

Глава 7

Света пришла к центральным воротам парка Победы. И огляделась. Никого. Медузы вдалеке, крысы, ничего необычного. Ей не очень хотелось идти в парк; пару последних раз, что она там была, каждый поход оборачивался делом непростым. Она с сомнением смотрела на большие, в два этажа, ворота парка, поверх которых на Московский проспект «вытекала» растительность. Всё вокруг было зелёным, во всех оттенках этого цвета, а сверху эта зелень была «присыпана» множеством ярких цветов. Казалось красивым... но... Нет-нет, это не обманывало девочку. Шипы, яды, кусачие твари,

ползучие корни, огромные, с кулак, толстобрюхие кузнечики без панцирей, зато с гигантскими жвалами, и Бог знает, что было в этих зарослях. Так что парк был местом неприятным. Даже торчать тут было опасно, не то что идти туда. А ещё Лю сказал ей, что видел вчера у её депошки Аглаю. Эта чокнутая бродила вокруг и что-то выглядывала. Девочке, конечно же, такое понравиться не могло. И она, прежде чем пойти к условленному месту, попросила его осмотреть окрестности. Любопытный вернулся и сказал, что никого не нашёл, лишь после этого Света вышла и побежала к улице Бассейной на встречу с Сильвией. Девочка, кстати, была немного обижена на Любопытного. Она никак не ожидала, что он так... бесстрастно отнесётся к её победе над силачом. Голос выслушал её и, даже не поинтересовавшись, как ей это удалось, сразу перешёл к какой-то другой теме. Как будто победа Светланы над этим необыкновенно сильным существом была делом обыденным. Подумаешь, прикончила силача, все так могут!

Оставаться на открытом пространстве Московского проспекта, у всех на виду, ей не хотелось. Она увидела трамвайную остановку и добежала до неё. Грязный пластик снаружи скрывал девочку, а она изнутри видела всё вокруг. Светлана уселась на землю и чуть обиженно заговорила:

– А вы знаете, Лю, что этот, ну, тот, что за мной шёл, был не простым существом.

– Не простым? Интересно. А каким же он был?

– Он был творением, – сказала девочка. – Порождением

Высших.

– А как вы об этом узнали? – поинтересовался Любопытный.

– Мне сказала Сильвия, ну, та девочка, что вместе с пауком Женей перерабатывает на белки других людей. Вы их видели в подвале.

– Я понял, о ком вы говорите. Сильвия. И она вам сказала, что он был...

– Творением высших. Он не простое существо.

– Творением высших? Ну, если он творение..., – Лю, кажется, не очень хорошо понимал, что это значит, – то кто эти высшие?

Света и сама не очень хорошо это понимала, поэтому предположила:

– Ну, это, наверно, какие-то боги или что-то типа того. Лю, вы знаете, что такое «боги»?

Девочке хотелось, чтобы он её похвалил, для этого Света и затеяла этот разговор. «Лю, это был не простой чёрный чувак с офигенной силой. Это было сотворённое Высшими существо, и я его укукошила! Я, простая девочка, смогла это сделать, я крутая, Лю!». Но бестолковый голос хвалить её не собирался.

– Да, я знаком с концепцией «божества». Это концепция разделения всех существ на создателей и созданных, в которой созданные должны поклоняться создателям.

Свете эта теория показалась странной. Отец Серафим из-

лагал Бога иначе, поэтому девочка, позабыв, что хотела рассказать голосу про то, как она гениально заманила силача в Белый лес, спросила у Любопытного:

– Лю, а вас есть какой-нибудь бог?

– Ну, если пользоваться вашей терминологией, – ответил тот, чуть подумав, – у меня есть бог. Но мой бог – это концепция, идея, – он, кажется, оживился.

Светлана поняла, что ему хочется об этом рассказать, поделиться. Но тут из-за памятника Чернышевскому вышла Сильвия. Света сразу узнала её маленькую, загорелую фигурку в белых трусах.

Лю, как показалось, с некоторым сожалением произнёс:

– Кажется, мы ждём его.

– Её, – тихо поправила Любопытного девочка. Лю, конечно, ещё не очень хорошо разбирался в людях.

Сильвия не спросила, давно ли пришла Света, поэтому девочка решила, что сама Сильвия тут уже давно и наблюдала за нею издалека, из хорошо сохранившихся домов, что стояли напротив парка. Прямо на животе, вместо пояса, у неё была завязана мягкая трубка, похожую на трубку для капельниц, только заметно толще. Зачем ей был нужен этот «пояс», если на ней ничего, кроме трусов не было, Света не понимала. А у маленькой женщины всё ещё были красные глаза, немного крови в них осталось от вчерашнего.

– Привет, ты готова? – Сильвия смотрела не на девочку, а

вдоль уходящего на юг Московского проспекта. Посмотрела внимательно.

– Привет. Да, – Светлана кивнула.

– Всё спокойно? – маленькая женщина всё крутила головой, глядя в разные стороны. – А это... творение не появится, как ты считаешь?

Светлана покачала головой: нет, не появится.

– Ты уверена?

– Уверена, – спокойно произнесла девочка.

– Прости, конечно, – Сильвия не очень верила Светлане, – но из чего проистекает твоя уверенность? Просто пойми правильно, мы займёмся опасным делом, и не хотелось бы, занимаясь им, попасть в ещё одну опасную ситуацию.

– Не волнуйся, – сказала девочка, – он не придёт, – она не сдержалась, чтобы не улыбнуться, и добавила с излишней каплей хвастовства: – Я его убила.

– Ты? Убила? – маленькая женщина смотрела на неё исподлобья, вот теперь она точно не верила девочке.

– Ну да, – беззаботно ответила Света: ну убила, что тут такого?

– Как? – спросила Сильвия.

– Да неважно, – произнесла Света небрежно, у неё хватало ума, чтобы не раскрывать способ, мало ли что, а ещё девочка не хотела, чтобы эта маленькая женщина знала, что она ходит к Черте.

– Если это так, то ты..., – Сильвия покивала головой, – то

ты и вправду крутая. По-настоящему крутая!

Света и подумать не могла, что она ей льстит, и поэтому у девочки поалели щёки.

«По-настоящему крутая! Слышите, Лю? Вот какой меня считают люди! А вы мимо ушей пропустили мой рассказ!».

Но продолжать этот разговор Света не хотела, несмотря на то что это была для неё очень приятная тема. Она боялась, что Сильвия начнёт расспрашивать о подробностях или о том, почему она не сказала ей об этом при телефонном разговоре, и поэтому Светлана произнесла:

– Ну что, мы идём за шипами?

– Да, пошли, – сказала маленькая женщина, но на всякий случай ещё раз огляделась, и они двинулись в сторону парка.

– Ты, главное, не бойся, – говорила Сильвия, – роза тут недалеко.

Вообще-то девочка уже бывала в парке, только с стороны Гагарина. Она знала, куда они идут.

– Главное – не приближаться к воде, слышишь? Ни в коем случае не приближайся к воде и тем более не заходи в неё.

Девочка кивнула.

– Роза сильно пахнет, – продолжала маленькая женщина, – это чтобы привлекать к себе, а ещё чтобы отбивать запах трупов.

– Трупов? – переспросила Светлана.

– Ну да. Вокруг неё всегда много падали. Тебя, надеюсь, не затошнит? Как ты переносишь запах падали?

Света когда-то все плохие запахи переносила так себе. Когда-то. После болезни мамы и после того, как она начала видеть эти сны, всё заметно изменилось. Девочка просто пожала плечами: ну, как-то так.

– Главное – не уколись, шипы у розы огромные и очень, очень острые.

«Так, стоп!». Светлана остановилась; до стены из растений, за которой начинался парк, оставалось не больше десятка шагов.

– А ты хочешь, чтобы я одна туда пошла?

– Я не могу туда идти, – сразу ответила Сильвия, – у меня нет одежды, как у тебя, нет обуви.

– А я думала, мы пойдём туда вместе, – Света удивилась.

– Света, это рядом, я подожду тебя тут, я всё тебе расскажу, а мне туда нельзя, там сверчки, знаешь, такие огромные, – она показала, насколько огромны эти насекомые, – жуки-кровососы, корни, я могу там пораниться, тебе придётся меня вытаскивать, иди лучше одна, так будет вернее.

– Я даже не знаю, где эта роза, не знаю, как она выглядит.

– Она здесь, недалеко, ты меня даже будешь слышать, когда до неё доберёшься. И найти ты её сразу найдёшь. Роза белая, высокий прямой стебель, и весь в длинных шипах. Ты не ошибёшься.

– Ну хорошо, – Света согласилась, но без особого энтузиазма. В общем, ей не очень-то и был нужен этот шип, силач-то уже всё...

Абрикосовое варенье. Да, это был именно запах варенья, а не абрикосов. Аромат был насыщенным, даже тяжёлым, но всё равно очень приятным, сладким, чуточку отдающим леденцом. Девочка обломком своей палки раздвинула перед собой ветки растений с длинными сухими листьями и увидела поляну под солнцем. И на этой поляне, кроме низкой травы, было всего одно растение.

– Лю, вы видите что-нибудь опасное?

– Нет, никаких крупных существ, что могут предоставлять для вас опасность, я не вижу.

Ну, полагаться только на Любопытного девочка уже давно отучилась. Она ещё раз огляделась, прислушалась к звукам, что долетали до неё. Вроде тихо. Она сделала шаг вперёд.

Нет, не так себе Светлана представляла эту розу. Длинный, тонкий и тёмный стебель, заметно выше девочки, а на нём что-то больше похожее на белый подсолнух с небольшим, чёрным, как будто там семечки, центром. И, конечно же, шипы, их даже отсюда было видно. Они торчали во все стороны, длиной по десять, а иной раз и пятнадцать сантиметров.

Что-то шевелилось под цветком, большая бурая куча, но нет, то, что шевелилось, было мелким. Не очень-то ей хотелось рассматривать то, что там шевелится, но стоять в кустах и ждать, пока за шиворот упадёт что-то колючее и кусачее, Светлане хотелось ещё меньше. Она двинулась к цветку,

снимая рюкзак. Вся во внимании, вся настороже. Сильвия говорила ей срезать два шипа Кровопийцей, но так делать было глупо, если у тебя в рюкзаке есть пассатижи, плоскогубцы или кусачки, Светлана не знала точно, как называется этот инструмент, но приблизительно понимала, как им пользоваться.

А цветок не только источал приятный и сильный запах, он ещё и был красив. Девочка приблизилась, теперь она поняла, кто там копошился в траве. Это был пузатый кузнечик с огромными жвалами, их тут валялось немало, только все остальные уже умерли. Ещё тут валялась дохлая гниющая птица, белый скелет кошки торчал из травы рёбрами, и та бурая, большая куча... Она тоже когда-то была животным.

«Главное – не уколотся и не порезаться». Шипы сами темно-коричневые, у основания толстенькие, а концы, самые иглы, так они желтоватого цвета. Даже на вид шипы выглядят острыми, опасными. Света выбрала один подлиннее. Поднесла к основанию плоскогубцы. Хорошо, что она не выбросила эту тяжесть из рюкзака. Тесаком срезать их было бы очень неудобно, шип оказался очень крепким. Аккуратно положив срезанный шип на траву рядом с собой, она срезала ещё один. Для маленькой женщины. Света не чувствовала никакой опасности, срезая второй шип. К тому же её успокаивал Лю:

– Будьте внимательны, Светлана-Света, сосредоточьтесь на своём деле, вокруг нет ничего, что могло бы вам угрожать.

Глава 8

Теперь Светлана поняла, зачем Сильвия принесла эту пластиковую трубку вместо пояса. Маленькая женщина, пользуясь тесаком девочки, отрезала два куска – оба были чуть длиннее, чем шипы, – а потом эти трубки натянула на иглы и одну, длинную, протянула Светлане:

– Вот, так безопаснее. Но имей в виду, Света: укол – паралич. Паралич через полминуты, может через минуту. Человек превращается в бревно. А потом смерть. Неминуемая смерть. Будь осторожна.

Света, держа затянутый в пластик шип в руке, уже хотела спросить, откуда Сильвия про всё это знает, но та опередила её, сказав:

– Света, мне пора, скоро сороконожки из метро вылезать начнут, а мне ещё до норы добежать надо.

– Хорошо, пока, Сильвия.

– Ты тоже тут на проспекте не задерживайся, – кричала маленькая женщина на бегу, – я тебе позвоню. Пока.

Ей тут нравилось, проспект такой красивый, дома целые, стёкла в большинстве окон сохранились, жаль, что по нему вместо машин стаи собак гоняли крыс. А так очень приятное место, намного приятнее, чем проспект Гагарина. Тут даже цветы на клумбах цвели, как в реале. Но если Сильвия сказала, что отсюда лучше убраться, значит, лучше убраться.

Света допила остатки воды из одной бутылки и бросила в неё закутанный в пластик шип розы. Таскать в кармане такую опасную вещь было неразумным. После девочка побежала в сторону улицы Бассейной, на которую собиралась свернуть, и когда добежала, Любопытный её спросил:

– Человек Светлана-Света, я ещё вам сегодня нужен?

– А что, вам пора уходить?

– Нет, благодаря вашим последним усилиям, моё время пребывания тут значительно увеличилось, просто если я вам не нужен, я проведу некоторые изыскания, которые в будущем нам с вами определённо пригодятся. Но если я вам ещё нужен, то я провожу вас до нашего убежища.

Что ни говори, какие бы ни были у него недостатки, но с ним Света чувствовала себя намного увереннее:

– А что за изыскания вы хотите произвести? – девочка хотела спроситься с ним, ей казалось, что пробежаться с Лю будет интересе, чем сидеть в душевой депошке.

– Меня всё не покидает мысль о материализации. Я хочу проверить некоторые свои гипотезы. Мне кажется, что это дело вполне осуществимое. Если, конечно, все мои мысли будут верные, и вы согласитесь мне помочь.

– А куда вы собираетесь?

– Я направляюсь к Черте, у меня как раз хватит времени добраться до неё и обдумать там некоторые возникшие у меня вопросы.

«К Черте? К Лесу? Ну нет...». Светлане в последнее вре-

мя Леса хватало.

– Хорошо, Лю, я доберусь до депошки сама, – сказала она, тем более что до укрытия оставалось всего три-четыре минуты бега.

И Лю безмолвно, как и всегда, исчез. Как будто его и не было.

Света пожалела, что с нею нет Любопытного, как только свернула с Бассейной на проспект Гагарина и пробежала один целый дом и ещё один разваленный. Ей показалось, что на неё кто-то смотрит. Конечно, у неё пару раз дёрнулись пальцы. А как без них? Кто-то смотрел на неё из развалин, что были перед нею, чуть справа от неё. Или смотрели из двадцать пятого дома по Гагарина? Он был практически целый, только стёкол в окнах почти не осталось. Девочка, недолго думая, сразу сменила направление и перебралась с асфальта на такой привычный для неё мох. Тут и от домов подальше, и не подберётся никто. Так и побежала лёгкой трусцой, стараясь не наступать на кочки. Но всё равно на неё кто-то смотрел. Ну и кто это мог быть, кроме Аглаи? Света бежала и всё поглядывала вправо. Быстро пересекла асфальт улицы Фрунзе и, заскочив на мох как раз напротив разбитых витрин «Верного», снова побежала по серебряному ковру. Точно! На неё смотрели из двадцать пятого дома. Светлана то и дело бросала взгляд направо, пытаясь выглянуть в пустых глазницах окон хоть кого-то, но тщетно. Ко-

гда она пробежала мимо того дома, на пару секунд у неё отлегло от сердца, ей показалось, что больше на неё никто не пялится: кажется, наблюдатель остался позади. Она перебежала асфальт улицы Гастелло, вон уже и депошку видно, и тут опять, опять кто-то смотрел на неё, теперь сзади, а ещё она поняла, что на этот раз наблюдатель был близко, совсем близко. Света хотела уже прибавить шаг, убежать подальше в мох, а потом обернуться, посмотреть, кто там у неё за спиной, но она не успела ничего этого сделать.

Девочка, даже не споткнувшись, полетела вперёд, прямо на мох руками.

Тумм...

Короткий и сильный звук, отдавшийся болью в левом ухе. Затем... тупая, тяжёлая боль в затылке, вместе с которой пришёл звон, переходящий в электронный писк:

Тиннннннь...

А потом, кажется, она потеряла, всего на одну секунду, сознание. Руками в мох! В одной руке, в правой, у неё был зажат обломок её палки, она так и ткнулась кулаком в мох, а левой – прямо всей ладонью, всем весом на острые серебряные иглы-пёрышки. Кстати, она не знала, что у иголок мха, которые проткнули ей насквозь левую ладонь, на кончиках имеются крючочки, как на маленьких гарпунах. Но рассмотреть их у неё не получилось, тяжеленный удар в правый бок буквально сотряс девочку. Сотряс и, кажется, сломал ей пару рёбер. Тут уже лежать было нельзя, она встрепенулась, вско-

чила, вырывая с кровью иглы мха из своих рук и колен... А мимо, в сантиметрах от её головы, пролетел большой камень и ускакал по мху, подпрыгивая и вертясь. Света побежала вперёд, получила ещё один сильный удар в бедро сзади, но этот удар уже не мог остановить её, и только теперь девочка услышала раскатистый и истеричный, почти захлёбывающийся смех у себя за спиной:

– А-ха... А-хха... А-ха-ха-ха-ха...

Светлане и оборачиваться было не нужно, она и так знала, кто это смеётся.

Аглая! Чокнутая тварь!

Было больно, особенно болело в боку при каждом шаге, но она бежала. Инстинктивно девочка неожиданно меняла направление; отбежав немного, она остановилась, обернулась. И сразу пригнулась, увернулась от большого куска кирпича, пролетевшего совсем рядом. Ну конечно же, это была Аглая, мало того, камни были сложены у бордюра, заранее сложены, она ждала девочку. И теперь поднимала их и один за другим, бросала и бросала их в Светлану. Они летели, тяжёлые, быстрые и страшные. Аглая, тварь, не поленилась натаскать сюда камней и теперь с хохотом кидала их в девочку.

– А-ха-ха..., – косматая, необыкновенно сильная, уже и на женщину не очень похожая. Замах – и летит камень, и смех, сумасшедший и злобный.

– Ха-ха. Ха, тебе нравится, мразь мелкая? А-ха-ха!

Свете стоять и уворачиваться от кирпичей смысла нет,

увернувшись от очередного обломка кирпича, она кинулась бежать к своей депошке.

А Аглая всё с тем же хохотом полетела оббегать мох и понеслась за девочкой чуть справа, бежала с камнями в руках по асфальту, вдоль забора больницы. Чуть поворачивая голову, Светлана её видела. Боль в боку не давала как следует вздохнуть, ещё рюкзак бил по спине, но девочка всё равно бежала быстрее сумасшедшей, она добежала до домика и ручкой потянула тяжёлую дверь, оставив на ручке и краю двери жирный кровавый след. Тут же в дверь глухо ударил обломок кирпича и отлетел, едва ещё раз не разбив ей голову. Света забежала внутрь и закрыла дверь на засов. Отдышалась и тут же, стоя у двери, бросила палку, стала, морщась от острой боли, снимать рюкзак. Жаль, что сейчас с нею не было Любопытного. Он бы сказал, где чокнутая и что она делает.

Она пошла в комнату; боль в боку была такая, что слёзы наворачивались на глаза. Здесь, в своём доме, в убежище, ей было, конечно, поспокойнее... Но нет...

С характерным треском, со звоном рассыпается большое и грязное стекло в окне, осколки стекла сыплются на пол, и по комнате допрыгал до стены обломок кирпича и остановился у ног Светланы. Девочка бросается к противоположной стене, сползает по ней на пол. Прилетает ещё один камень, и ещё осколочки брызгами разлетаются по комнате. У Светы все руки в крови, ей страшно, и она не очень церемонится со своими вещами, вытряхивая их на пол из рюкзака

... Девочка боится, боится, что как только все стёкла в окне будут добиты, Аглая разбежится, и прямо по мху добежит до дома, и запрыгнет внутрь, и тут расправится с нею.

Кровопийца! Уже готов, она вытаскивает его из ножен. Но этого мало, среди высыпанных вещей Света находит пустую бутылку. Там, внутри, шип розы, обтянутый пластиковой трубкой. Руки болят, но это ерунда. Руки, бок, затылок весь залит кровью, и воротник куртки неприятно липнет к шее, ей не до этого, она вытряхивает шип. Сжимает его в руке. Тесак на полу рядом. Когда Аглая заскочит, Света встретит её, Света не испугается.

Светлана так и очнулась в своей кровати с крепко сжатым кулаком, в котором была зажата пластиковая трубка с шипом розы. Ей даже было больно разжимать кулак, так крепко она его сжимала. Но боль в кулаке была не единственной болью, ещё у неё болела, саднила и чесалась, вся в засохшей крови, левая рука, а ещё у неё явно лилась кровь из головы на подушку. Подушка была липкой, и наволочка прилипла к голове Светы, когда та решила встать. А как она начала подниматься с кровати, так ещё ей и спину пронзила боль, словно кто-то воткнул ей нож в рёбра. Она подняла руку, потрогала затылок – там, среди слипшихся от крови волос, нащупала огромную шишку. Камень, ударивший её в голову, кажется, весил немало. Светлане было так нехорошо, что её даже не удивил и не обрадовал тот факт, что ей так запросто удалось

перенести сюда эту опасную иголку, которую она сжимала в кулаке.

«Тварь, вот тварь...». Девочка ненавидела Аглаю по-настоящему, как ненавидела только одного человека на свете, Мельника, того поганого мужика, устроившего аварию, в которой так сильно пострадали её родители. Светлана морщилась, стоя у своей постели и рассматривая её. Это просто пипец! Даже в темноте было видно, что на постельном белье серое пятно, это от сока фикуса, а на подушке – огромная чёрная клякса. Кровь из затылка. Она потрогала кляксу – мокрая и липкая. Потрогала волосы на затылке. Там рана, кровь на концах волос слиплась и засохла.

«С ней нужно что-то делать... Что-то делать? Что за глупости, «делать»! Её нужно убить, Лю прав. Иначе она меня просто убьёт в следующий раз». Девочка на этот раз с несвойственным для себя хладнокровием размышляла об этом. Та боязнь, вернее, нежелание причинить кому-то тяжкий вред, постепенно покидало её по мере получения новых шрамов и ушибов. Мухомеда, она его ещё немного жалела, а вот кота и силача... Нет! Кота она и не заметила, а силачом Света и вовсе гордилась. А если она сможет прикончить Аглаю... О, она будет радоваться, радоваться по-настоящему! Никаких сожалений, только радость избавления от смертельной опасности. Только вот как эту бешеную лошадь прикончить? Она и вправду сильна, как конь! Попробуй ещё до неё доберись. Светлана смотрит на шип розы. Этот она оста-

вит здесь, а там добудет себе новый. Надо было спросить у Сильвии, как долго шип остаётся ядовитым.

Всё болит, а постельное бельё надо бы поменять, поменять и постирать, но у неё сейчас не было сил, просто не было сил этим заниматься. Девочка случайно бросила взгляд на часы. Ой! Через семь минут сработает будильник и разбудит близнецов. Она, постанывая и останавливаясь от приступов боли в боку, переворачивает подушку и, расправив одеяло, быстро идёт в ванную комнату. Ей нужно смыть кровь, пока близнецы не начали стучать в дверь ванной. Мыться, когда ты из-за боли в боку не можешь толком поднять руку, – дело непростое, но какое облегчение дал ей простой душ! К тому же девочке показалось, что и шишка на голове стала меньше, а к концу водных процедур, когда братья уже ломились в дверь, и вода с головы перестала окрашиваться в красный цвет. Рана на затылке была ещё влажной, и прикасаться к ней было больно, и она подумала, что ей лучше посетить хирурга, Света знала, что глубокие рассечения нужно зашивать. Да, хирург! Только тут она вспомнила про свои пальцы. Вспомнила и, стоя у зеркала, стала их разглядывать. И не увидела ничего, что её могло порадовать. Чернота поглотила почти оба пальца целиком, чуть-чуть – и она переползёт на ладонь. Это случится, может быть, завтра. Но расстроиться и тем более поплакать ей не дали, неугомонные близнецы тарбанили в дверь.

Позвонил папа и сказал ей, что к одиннадцати их ждёт

следователь. Блин, уж лучше бы в школу, чем к нему. Она боялась этого нудного человека, он заставлял девочку врать, и что хуже того, кажется, он чувствовал, когда она ему врёт.

– Па, а это обязательно?

– Слушай, Светка, ну нужно же найти этих уродов, они ведь ещё кого-то могут порезать. Давай сходим, мне самому не очень-то охота после работы туда скакать, но это будет последний раз. Давай?

– Ну давай, – нехотя соглашается Светлана.

– Ты попроси сиделку задержаться до нашего возвращения.

– Окей, па.

– «Окей, па», а по-русски?

– Хорошо, па.

– Знаешь, где тридцать третье отделение полиции?

– Знаю, па.

– Я тебя жду к одиннадцати.

– Хорошо, па.

«А потом оттуда, если получится, сразу загляну к хирургу в дурацкой шапке, пусть посмотрит мне затылок, может, его нужно будет зашить».

Глава 9

Иванова, конечно, была недовольна тем, что Света просила её задержаться на пару часов.

– Я вам заплачу, – настояла девочка.

– А может, у меня дела, или, по-твоему, у меня не может

своих дел быть? Я живу, чтобы только на вас горбатиться?

Всё-таки она такая противная баба. Конечно, она согласилась, но вся эта история с походом к следователю немного выбила девочку из привычной колеи, она стала волноваться и забыла сменить постельное бельё, хотя не забыла как следует позавтракать. Последнее время её и так хороший аппетит стал просто зверским.

Она вышла из дома, уже машинально отметив для себя, что никакой опасности во дворе нет. Шёл дождик, но Света была в новеньком плаще и новеньких резиновых сапожках, бегать в них неудобно, зато чувствовала себя девочка в них и под зонтом очень уютно, несмотря на дождь. На руках чёрные медицинские перчатки, на лице маска – всё согласно тенденциям пандемии.

И тут Светлана почувствовала, что на неё смотрят. И, чуть не доходя до светофора, она поняла кто это был.

Из мокрого сквера, из-за кустов, с которых ещё не облетела часть листвы, вышла старая баба. Цыганка, как раз в классическом их облики. Мокрые юбки, грязный, заношенный платок, космы и дешёвые серёжки, свисающие из-под него. Баба была отвратительна и... слепа, что ли... Её глаза были белёсы, без зрачков, но Света знала, что именно эта баба только что смотрела на неё. Она шла навстречу Светлане, опираясь на старый бадик.

И развернулась к девочке, почти загородив ей проход. И

тут, Света даже и не поняла откуда она взялась, появилась Элегантная Дама. Она быстро, в два больших шага, подлетела к бабе и весьма грубо схватила её своей большой пятернёй в чёрной перчатке прямо за морду.

– Вам что, животные, одного раза было мало? – холодно произнесла Элегантная Дама.

Она сжала лицо старухи так, что Светлане было видно, как под пальцами Дамы побелела и натянулась кожа бабы, и та забубнила едва разборчиво под перчаткой:

– Ой, прости, ой, прости, госпожа, я просто у неё про ножичек наш спросить хотела, просто спросить...

– Пшла вон отсюда, падаль, – Элегантная Дама была груба и холодна. Странно, на небе висели низкие тяжёлые тучи, а она была в солнцезащитных очках. Дама толкнула бабу в лицо так, что та едва устояла на ногах. – Ещё раз увижу рядом с нею, выдавлю глаза, и не думай, не надейся, что ты вырастишь себе новые, я их выдавлю и наплюю в глазницы, так что ты станешь слепой по-настоящему.

Всё это было сказано твёрдо и холодно, даже через медицинскую маску её слова слышались весьма отчётливо, настолько отчётливо, что ни у бабы, ни у Светланы эти слова не вызвали ни капли сомнений – она так и сделает; и старуха сразу всё осознала, всё поняла, стала кланяться, пятиться и бормотать:

– Господи... Дура я старая... Простите, госпожа, простите... Господи, я ж только спросить хотела, только спросить...

Я без злого умысла, только спросить... Без злого умысла...

Света, вся такая яркая, в плащике, сапожках, с розовым зонтиком, просто постояла десять секунд, и ситуация была разрешена. Девочка из всего этого поняла лишь, что эта бабища, с бельмами на оба глаза, хотела что-то выяснить о Светином тесаке. И теперь выяснять раздумала. Улепётывала прочь, и весьма поспешно. И тут Светлане в голову пришла мысль, она поначалу даже сама её испугалась. Но понимание того, что проблему нужно решить, придало ей смелости. Она подошла к Элегантной Даме, которая стояла и смотрела вслед старухе, и произнесла:

– У меня есть к вам вопрос... Вернее, просьба.

Дама повернулась к ней, потянула из кармана красивую красную квадратную пачку, достала оттуда сигарету и стянула с лица чёрную, в сырых разводах маску...

«О Господи!». Света в первый раз её совсем не разглядела, лицо Дамы было... ужасным. Серое, на подбородке и щеке мокрые язвы, а губы у неё были синие, почти чёрные.

– Можешь задать мне вопрос, – негромко разрешила Элегантная Дама.

Её голос был низкий и такой же пугающий, как и её вид. Девочке сразу расхотелось что-то спрашивать, захотелось уйти, но теперь она уже побоялась, что Дама разозлится, если она вопроса не задаст.

– Вы можете убить кое-кого? – пролепетала Света и замерла от ужаса, ужаса собственного вопроса, и тут же, ви-

дя, что Элегантная Дама не спешит с ответом, а прикуривает сигарету, она быстро продолжала: – она меня убьёт, она такая... такая... Всё время на меня нападает, а сама я её убить не могу, она очень сильная... Я не знаю, что делать, она мне этой ночью пробила голову... Вот тут шишка, – Света лезет под берет и с ужасом обнаруживает, что никакой шишки там уже нет, вернее, есть, но теперь она совсем незначительная, за такую ерунду... не убивают...

– Что? – говорит Элегантная Дама, выпуская струю дыма в лицо девочке. – Раны на тебе зарастают быстрее, чем ты об этом успеваешь подумать?

Девочка растерянно молчит: откуда? Откуда она могла это знать?

– И кого же надо убить? – спрашивает Дама, не дождав-шись ответа.

– Ну, там... Одного человека, вернее, одну..., – бормочет девочка растерянно.

– Одну тварь, с которой ты недавно встречалась. Не так ли? Ты говорила с нею, а она называла меня Гнилой.

– Ну, её зовут Аглая.

– Мне всё равно, как её зовут, – всё так же негромко го-ворит Дама и затягивается; затягивается она так, что сразу сгорает треть сигареты.

– А что ты мне дашь за работу, если я её сделаю? Чем оплатишь работу? – она заглядывает Светлане в глаза. – Мо-жет, отдашь мне свой глаз? Правый, левый... Возьму любой,

мне нравятся твои глаза, они чистые, без гнили. Нет? Вижу, глаза тебе дороги, тогда, может, отдашь мне свою матку?

– Что? Матку? – ничего подобного Света не ожидала услышать. Она совсем растерялась. – Какую матку?

– Живую матку, ту, что у тебя в брюхе, – продолжала Дама, – мне достаются всё время мёртвые... Мне всё достаётся мёртвое, а так хочется чего-нибудь живого...

Девочка, стоя в своём ярком плащике, в своих ярких сапожках, под своим ярким зонтиком, сейчас думала только об одном, только об одном, она думала, как бы закончить этот разговор и уйти отсюда.

– Значит, и с маткой уговора не выйдет? – спросила Элегантная Дама и выбросила окурок, докуренный до фильтра. – А что ты мне хотела предложить за работу, а, смертная?

«Что же, что же...? Деньги? Деньги она точно не возьмёт... Золото! Точно! Тот большой и тяжёлый браслет, что подарила ей Сильвия».

– У меня есть золото, – произнесла она наконец.

– У тебя есть золото? – Дама усмехнулась. – М-м... Но у меня тоже есть золото, и у меня его хватит, чтобы заполнить небольшое озеро.

«Глаза и матку я точно не отдам, лучше уж сама буду драться с Аглаей», – решила девочка.

– Хорошо, – вдруг произнесла дама, – ты можешь достать то, что нужно мне.

– Что это? – сразу оживилась Светлана. – Скажите.

– Принеси мне жука, и я убью ту тварь, с которой ты встречалась.

– Жука? – Света не поняла, о чём говорит Дама. – Какого жука?

– Ты знаешь, какого, – ответила Элегантная Дама и, натянув на лицо маску, пошла по улице.

– Жука? – зачем-то переспросила Света и поглядела на неё. Но этой странной, скорее даже страшной женщины уже нигде не было. Получалось, что Светлана спрашивала сама у себя.

Эта беседа со следователем была сама по себе неприятной, да ещё в коридоре полицейского отделения она увидела Анну Владимировну. У женщины было опухшее от слёз лицо. Свете стало очень жалко её, очень. И Влада жалко. Она поздоровалась с нею, но переговорить они не успели, Соколовский пригласил Свету с отцом в кабинет. И девочка немного обрадовалась, она подумала, что к тому времени, когда беседа закончится, мать Влада уже уйдёт.

А следователь начал спрашивать её о... о монете. О той самой золотой монете, которую они с Владом носили продавать барыге-наркоторговцу. Хорошо, что она уже всё рассказала папе про монеты, хотя теперь ей пришлось врать о том, как и где она её нашла. Где нашла, а когда, а кто-нибудь это видел? О других монетах, конечно же, Светлане хватило ума следователю не рассказывать, «я нашла всего одну монету».

Но и тому, что она говорила, кажется, этот молодой полицейский не очень-то верил, он по несколько раз переспрашивал одно и то же, словно уже через пару минут забывал то, что она ему недавно сказала. И особенно его интересовал случай с барыгой Валяем. Как она туда попала, кто и что говорил, кто и как начал потасовку? Всё, всё, всё это интересовало следователя. Он, задав один и тот же вопрос два, а иногда и три раза, ответы девочки записывал в протокол.

Беседа, а на самом деле форменный допрос, продлилась почти час и закончилась, когда папа Светланы сказал, что, пожалуй, пора заканчивать. Соколовский нехотя согласился. Но тут же заверил, что это ещё не конец и что он ещё вызовет Светлану на беседу. А когда они вышли из кабинета, девочка увидела её. Мать Пахома никуда не ушла, она стояла у окна, ждала. Ждала Светлану. Она сразу пошла к ним и поздоровалась:

– Здравствуйте, – она едва сдерживается, чтобы не разрыдаться, – вы папа Светланы?

– Угу, да, – папа немного смущён, – здравствуйте.

– Я немного знаю вашу дочь, – продолжает Анна Владимировна. – Она очень хорошая девочка, Светочка серьёзно спортом занимается, я была так рада, что Владик с нею подружился, у него были не очень хорошие друзья и подруги, и тут вдруг она, – мама Влада обнимает Свету за плечи, она начинает плакать. – Я знаю, что это всё из-за него, знаю, что это он втянул тебя в эти ужасные дела... Ужасные дела..., –

она достаёт платок, начинает вытирать и так уже опухшие глаза.

«Я знаю, что это всё из-за него, знаю». Светлана тоже начинает шмыгать носом, и в её глазах тоже появляются слёзы. Ей жалко маму Влада, жалко его самого, она не сдерживается, подходит и обнимает Анну Владимировну, а та сразу обнимает её, обнимает так, как будто Света ей близка. Они обе плачут, и мама Влада говорит:

– Светочка, я вас прошу, помогите найти этих подонков, этих... которые это сделали с Владом, я понимаю, что для вас следствие вещь неприятная, но умоляю вас, помогите следователю.

– Я обещаю вам, – говорит Светлана, она освободилась из объятий Анны Владимировны и рукой вытерла слёзы. – Я сделаю всё, что нужно. Эти уроды ответят за Владика.

Она сказала это с такой неожиданной твёрдостью, что и папа, и мама Влада это заметили.

Глава 10

Они проехали две остановки на маршрутке, дорого, конечно, но иначе Андрею Сергеевичу Фомину пришлось бы долго прыгать на костылях от отделения полиции до дома. Надо ещё учесть, что он пришёл в полицию после суточного дежурства. В общем, пришлось потратиться. Они вышли из автобуса почти напротив дома.

– Светка, – он старался быть с нею ласковым, у девчонки

и так жизнь складывалась не очень радостная, – ты сходи в школу.

– Па..., – Светлана надеялась, что сегодня ей удастся от школы отмазаться. – Дома и еды нет.

– Свет, ну хоть на пару уроков, – он не требовал, он уговаривал её, – чтобы учителя не забывали, как ты выглядишь. А после забежишь в магазин, купишь всё и приготовишь еду. А я пока чай попью.

– Ладно, па, – Свете очень не хотелось идти в школу, но отказывать отцу она ещё не научилась. – Но только на два урока.

– Договорились. Давай-давай, беги.

Дочка ушла. Одна, без отца-инвалида, ходила она очень быстро. А офицер – после аварии уже в отставке – Андрей Сергеевич Фомин направился домой. От остановки до дома ему нужно было пройти двести метров по Фрунзе, а потом свернуть налево, и ещё триста метров, и там, отпустив сиделку, можно будет, заварив чай, выпить таблетку, сесть в кресло и вытянуть ноги, расслабиться и подремать возле жены, подождать, пока придёт дочь и накормит его. Настроение у него было неплохое, это несмотря на то, что ему было по-настоящему жаль этого долговязого парня Влада, друга дочери. Да, жаль по-настоящему, но вчера он полностью закрыл кредит за медицинское оборудование, и теперь у него остался только платёж по судебному решению. Андрей Сергеевич шёл домой и считал в уме, он прикидывал, что его

пенсия и большая пенсия на жену плюс две его работы за- просто покроют все месячные траты семьи, что ему теперь не придётся больше занимать деньги. А может быть, он даже реже будет ходить на резку. Да, и тогда он сможет больше отдыхать, может, тогда и ноги у него будут болеть меньше, и он сможет обходиться без таблеток. Может быть, он даже потолстеет. Фомин даже улыбнулся. Неплохо было бы, а то ему страшно было смотреть на себя в зеркало, одни мослы. Торчат во все стороны. Ужас. А ведь раньше он был спортсменом и неплохим альпинистом. Жена ревновала.

Он так задумался о своих делах, что почти налетел на эту бабу. Она оказалась буквально в метре от него. Как он только не заметил её?

– У, дьявол, извините, – Андрей Сергеевич попытался её обойти, хотя на костылях сделать это было непросто.

– Не спеши, – вдруг сказала она мягким, грудным голосом и своею клюкой, как крюком, зацепилась за его костыль. А ещё стала на него пялиться глазами без зрачков, заглядывать ими прямо ему в лицо. – Не спеши, красавец.

– Так я ничем не смогу вам помочь, у меня денег лишних нет, – сразу расставил все точки над «и» Фомин. – Поэтому извините, но я пойду.

– Не спеши, говорю, не спеши, – старая баба подошла к нему так близко, что он почувствовал её вонь.

Она воняла старухой, грязными волосами и сырым тряпьем, Андрей Сергеевич даже поморщился, он хотел пере-

ставить костыли и отойти от неё, но баба продолжила, уже не «глядя» на него:

– В доме твоём большие перемены, большие.

– Что вы несёте? – Фомин поморщился. – Дайте я пройду, денег я вам всё равно не дам.

– Не дашь? Да? – она не отпускала его костыль, не давала уйти. – А ты, красавец, жадный, у дочери твоей много денег, много, а ты и рубля дать слепой не хочешь?

– Что? – тут, признаться, Андрей Сергеевич немного растерялся.

– Говорю, у дочери твоей денег много, вот что. Много же? Одежда у неё красивая, откуда такая, если ты в семье один работаешь, а баба твоя в себя не приходит, так откуда у неё деньги?

– Не твоё дело..., – Фомин уже начинал злиться. – А ну пошла вон отсюда.

– Ты и сам уже заметил... Заметил, да? Изменилась твоя дочурка, сильно изменилась, – бубнит баба прямо ему в лицо, он видит её белые глаза, в которых что-то... плавает, что ли, от них не оторваться. – Злись, соколики, злись, через злость к тебе правда приходит.

– Уйди, я сказал, – Андрей Сергеевич пытается от неё отвязаться.

– Я-то уйду, а твоя дочь с тобой останется. А та ли она, что была, это уж ты сам смотри... Сам.

– Что ты несёшь, дура старая?

– А может, и несу, может, несу, что в голову взбрѣдет... А ты мне не верь, красавец, я баба, у меня язык без костей, что ни слово – то брехня, так ты себе поверь, домой придѣшь, так ты вещи дочурки своей посмотри, проверь, погляди, может, что и найдѣшь... А найдѣшь, так, может, и ужаснѣшься.

Он не выдержал и костылѣм смѣл старуху со своей дороги.

– Пошла вон, мерзость!

И пошѣл к себе домой. А баба, тяжело нагибаясь и поднимая свой бадик с земли, кричала ему вслѣд:

– Ты мне не верь, ты себе верь, соколик, ты вещи, вещи еѣ... дочурки своей, проверь...! Потом мне ещѣ спасибо скажешь, красавец! И кровать, обязательно кровать еѣ проверь, девки часто свои тайны в кровати прячут...! – кричала старая сволочь.

Фомин старался не слушать еѣ, баба осталась стоять под нудным, морозящим дождѣм, а он долетел до дома, даже и не понял, как. Залетел в квартиру, как будто и не отдежурил сутки, а только что встал с кровати: бодрый и злой. Сразу отпустил сиделку, зашѣл на кухню и, вместо того чтобы поставить чайник, просто выпил воды.

«Вот сволочь какая... Всѣ настроение испортила, – ему нужно было выпить таблетку, но даже про неѣ Андрей Сергеевич позабыл, пошѣл в комнату жены, поставил к стене костыли и сел в кресло сиделки. – Откуда эта слепая жаба только взялась? И что она знает о Светке?». Он не мог понять, но, что было самое неприятное, он не мог успокоиться. Какие-то

слова этой грязной, в прямом смысле этого слова, и вонючей бабы имели смысл. Или, может, она с кем-то его перепутала?

«Нет, не перепутала, она явно знала про жену, – Андрей Сергеевич взглянул на профиль своей женщины, что, как и всегда, мирно лежала на своём медицинском ложе. – И знала, что я вкалываю на двух работах». Всё это ему очень не нравилось, а не нравилось именно потому... потому что он и сам замечал в своей дочери перемены. Эти сумасшедшие деньги, эти монеты, они, конечно, очень помогли, но она так толком и не рассказала ему, где она их нашла, где хранит, почему не покажет их сразу. Что это за история с наркоторговцем? Почему обратилась для продажи монеты к попу, а не к нему? И ещё у него были вопросы, так, по мелочи, но были. Он кое-что замечал за ней последнее время, чему поначалу не придавал значения или старался не докучать дочери, ведь она на себе в свои шестнадцать лет тащила весь дом, как взрослая женщина. Зачем её ещё по пустякам беспокоить? А теперь... Он взял костыли... Андрей Сергеевич просто хотел убедиться, что все эти вопросы, все эти бабьи домыслы – это всего-навсего глупые бредни.

Он подошёл к письменному столу своей дочери, сел на стул, чего не делал лет пять, наверное, и выдвинул верхний ящик. Там отец Светланы ничего особенного не увидел, карандаши, старенькие ручки, блокнот... Блокнот был приоткрыт, в нём что-то было, Фомин взял пёструю книжечку с единорогом на обложке, и из неё посыпались купюры. Ан-

дрей Сергеевич даже считать их не стал, он небрежно бросил деньги на стол, денег на вид было около ста тысяч. Ему было неприятно, что Светлана ему ничего не рассказывала. Это деньги с продажи монет? Ну а откуда она ещё могла их взять? Так сколько у неё было этих монет? Она ничего толком ему не говорила. Светка стала какой-то скрытной.

Она, как выяснилось, доверяла одноклассникам, отцу Серафиму, может, ещё кому-то, но не родному отцу. Вот и про эти деньги ничего ему не сказала. Наверное, боялась, что он заберёт их? А ей самой они были для чего-то нужны. Возможно, она была и права. Возможно, но разве, скажи она, что ей что-то нужно, он бы не купил ей? Андрей Сергеевич никогда и ничего не жалел для любимой дочери. Может, оттого ему было неприятно даже смотреть на эти деньги. Он позабыл про слепую цыганку, остановившую его на улице, и не стал убирать деньги в стол, пусть знает, что он нашёл их. Если вдруг Светка спросит, что он искал в столе, он скажет, что искал ручку. Фомин задвинул ящик стола, и тут что-то звякнуло в нём. Он снова выдвинул ящик – что это там? – разгрёб всякую девчачью всячину и увидел что-то блестящее. Это была какая-то побрякушка жёлтого металла. Безделица, но красивая, с массой затейливых подвесок. Он взял её в руки и оторопел... Эта вещь... была весьма увесиста. Андрей Сергеевич приложил её к своему запястью. Это был браслет. Несомненно. Застёжки на концах. Подвески в виде забавных фигурок. Боги какие-то. Работа очень тонкая, сам

браслет красивый, но больше всего его удивил вес этой вещицы. Он был тяжёлый, слишком тяжёлый, чтобы не быть золотым. Андрей Сергеевич покрутил украшение в руках, нашёл буквы; нет, это была не обычная российская проба, латинские буквы попеременно с цифрами, он не знал, что они обозначают, но почему-то был уверен, что браслет из золота. Эта уверенность ещё больше его огорчила. Светка, дрянь такая... Скрывала от отца, оказывается, больше, чем клад из монет, или этот браслет был с монетами? Нет, надо будет сегодня же с ней поговорить. Это не дело, это не семья, а какой-то «свой среди чужих!». Что это ещё за тайны от отца? Он бросил браслет на пачку денег, взял костыли и встал. Хотел пойти в комнату жены, но тут его как ударило, сами собой вспомнились ему слова цыганки: «И кровать, обязательно кровать её проверь, девки часто свои тайны в кровати прячут...». Он на удивление хорошо запомнил эти слова. Фомин постоял в изголовье кровати, вроде как не решаясь, а потом всё-таки взял и поднял подушку дочери. Поднял и опешил: что это? Что это за засохшее бурое пятно на наволочке? Оно засохло, заскорузло. Это что, кровь? Ну, бывает, конечно, у женщин и девочек, но почему на подушке, почему так много? Пятно чернело на половину наволочки. Андрей Сергеевич бросил подушку на место, а затем откинул одеяло, и опять удивление. Вся простыня серая с синим оттенком, как будто в неё заворачивали свинцовую трубу. А это ещё что такое? Что с простынёй? Его дочь была чистоплотной

девочкой, мать с детства приучила к чистоте. А тут вон что... Он запахнул одеяло. Всё это было странным само по себе, а если к этому присовокупить разговор со слепой цыганкой, то тут и вовсе стоило отцу призадуматься: а что происходит с твоею дочерью, папаша? И ещё он подумал, что он ничего о ней не знает. Да и как он мог что-то о ней знать, работая на двух работах. Скорее всего на заданные им вопросы она не ответит или соврёт.

А Светка оказалась скрытной и хитрой.

Он постоял немного, подумал, а потом, подойдя к столу, взял деньги, браслет и положил их в стол, и положил так, как, по его мнению, они там лежали до того, как он их нашёл. Андрей Сергеевич расправил одеяло на кровати дочери, поправил подушку и вышел из комнаты. Он решил немного подумывать над сложившейся ситуацией. Подождать и подумать.

Светлана пришла как раз когда начался урок. Алгебра. Математичка её не любит. Девочка не стала проситься. Села на первом этаже рядом с раздевалкой, достала телефон. Набрала номер. «Ожидайте». И какая-то приятная музыка. Она ждала не меньше минуты, прежде чем услышала женский голос на том конце:

– Информационная служба двадцать шестой больницы. Слушаю вас. Говорите.

– Здравствуйте, я хотела бы узнать состояние Владислава Пахомова, – сказала Света, заметно волнуясь.

– Кто вы и кем доводитеесь больному?

– Я Светлана Фомина, невеста Владика, – она уже начинает привыкать к этой своей роли. Да, невеста. На том конце снова стучат клавиши, там, кажется, её данные и её номер телефона заносят в компьютер.

Пауза, длинная пауза, в трубке слышно, как на том конце кто-то стучит по клавишам компьютера. И потом женщина сообщает ей:

– Владислав Пахомов, полных лет семнадцать. Колото-резанные раны... Так, состояние без изменений, находится в реанимации, с ним проводится комплекс интенсивных лечебных мероприятий, его готовят к следующей операции.

– К операции? Но ему уже сделали две операции, – удивляется Светлана.

– Девушка, количество операций будет определять лечащий врач и хирург, возможно, консилиум, в общем, операций будет столько, сколько решат врачи.

– Ясно, – отвечает Светлана.

Она хотела ещё что-то спросить, но, не прощаясь, «Информационная служба больницы номер двадцать шесть» отключилась. Разговор был закончен. Ничего, ничего ей не было ясно. «Состояние без изменений». Это как? Она даже не поняла, в сознании он или нет. Девочке снова захотелось поплакать. Но только не здесь, не в школе, тут находиться было... невыносимо. Она, конечно, обещала папе, что отсидит два урока, и даже пришла в школу, но у неё не получилось.

Света взяла рюкзак, зонтик и пошла к выходу. А по щеке у неё прокатилась и упала на грязный пол слезинка.

Она набрала номер Влада. Знала, что это дело бессмысленное, но сделала это. «Абонент находится вне зоны действия сети». Ну да, конечно...

Влажно, выхлопы моторов. Московский весь забит машинами. На тротуарах люди под зонтами, женщины и подростки в ярких дождевиках. Разносчики с большими цветными коробами гоняют по лужам на велосипедах. Обычный петербургский серый день. А Светлане всё хочется и хочется плакать. Она попробовала шишку на затылке. Шишка заметно уменьшилась, а рана почти не прощупывалась пальцами. И рёбра уже не так сильно кололо, в школе она спокойно надевала рюкзак, не то что дома перед тем, как идти в отделение полиции. Там ей ещё приходилось скрывать боль. Хорошо, что всё так быстро на ней заживало, не придётся идти к хирургу.

Да, хорошо, но этого сейчас ей было мало. Девочке было очень тоскливо. Ещё совсем недавно она могла убежать с уроков с Владиком и пойти с ним есть шаверму. Или же пойти куда-нибудь с Анной-Луизой, с шумной, привлекающей к себе внимание матерщинницей. Аня, конечно, была стрёмной, но она всё-таки была. Ей даже можно было позвонить... Пока Женя с Сильвией её не сожрали. Света пошла по Московскому. Час, чуть больше, ей нужно где-то походить это

время. В школу она возвращаться не хотела. А хотела есть... И та забежаловка, где они первый раз с Владом ели шаверму после того, как отлупили Валяя, как раз подходила к её нынешнему настроению.

Света всегда быстро ходила, даже резиновые сапоги не сильно замедляли её, тем более что она хотела есть. Девочка прошла сто пятьдесят третий дом с его «Моцарелла баром», она даже чуть притормозила у больших стёкол витрин, подумав, что никогда не была в этом ресторане, но, оценив витрину, решила, что тут дорого, и пошла дальше, и по ходу движения настроилась на большую шаверму.

Но, проходя мимо сто пятьдесят третьего дома, за его забором, в охраняемом дворике заметила его. Девочка сразу, сразу позабыла про большую шаверму, и про «Моцарелла Бар», и вообще про еду. Это был Мельник, самый поганый на земле человек. Самый Поганый Человек на Планете Земля! Это он... Это он был виновником той аварии, в которой её отец навсегда стал инвалидом, а её мама уже столько месяцев лежала в коме. А Мельник была упитанный, высокий, в куртке нараспашку, он вышел из парадной дома, держа над головой пластиковую папку с бумагами, ей он прикрывался от морозящего дождя. Чёрные волосы с сединой, очки, противное губастое рыло. Да, он таким и остался, почти не изменился за то время, что она его не видела. Этот человек добежал до большой синей машины, что стояла на парковке перед парадной. Забрался в неё, машина завелась, у неё

загорелись фары. И Мельник через автоматические ворота выехал со двора и даже не взглянул на девочку в ярком плаще и под зонтом. А вот она провожала его взглядом до тех пор, пока машина не скрылась из вида. Света всё запомнила: тёмно-синее «БМВ» Х-7.

Номер такой-то. Она всё запомнила. И пошла дальше, до забегаловки ей оставалось всего пройти два светофора. Света добралась до забегаловки, отстояла небольшую очередь. Когда ее заказ был готов, она взяла поднос с большой шавермой и маленькой «Мириной» и уселась за свободный стол. Ей снова сильно хотелось есть, но сразу есть она не стала. Девочка достала из своего рюкзака маленькую пол-литровую бутылку из-под воды. Она потрясла её. Воды в бутылке не было, там болтался, постукивая о стенки бутылки, шип розы, всё ещё затянутый в резиновую трубку для безопасности. Светлана, глядя на него, подумала, что пришло время опробовать его в деле, а то вдруг Сильвия врёт, и этот шип вовсе не так хорош, как она рассказывает. Потом она спрятала бутылочку обратно в рюкзак и с удовольствием съела всю свою огромную шаверму, всю, до самого маленького кусочка огурчика, и выпила всю «Мирину». И всё равно она съела бы ещё чего-нибудь, так как не наелась.

Глава 11

Она вернулась домой, зайдя перед этим в магазин. Папа ждал её, и Света тут же поставила вариться рис. Теперь, ко-

гда с деньгами стало чуть полегче, она решила купить к рису консервированную кукурузу, а к этой мексиканской смеси немного острого соуса и хорошие сосиски. Света была уверена, что папе понравится, особенно если сосиски не варить, а пожарить.

Отец пришёл на кухню.

– Ого, что это ты тут затеяла такое вкусное?

– Рис по-мексикански, соус чили и жареные сосиски.

– Обалдеть! – восхитился папа. – Только побыстрее давай, а то есть уже давно хочу.

– Сейчас, па, десять минут, только пусть рис сварится, и всё, – Света суетилась у кухонного стола.

– А ты, – отец выглянул из-за её плеча, – это... Теперь всё время в перчатках ходить будешь?

– Да, – Светлана кивнула и была при этом абсолютно естественна, – я уже привыкла к ним, почти не замечаю. Сейчас поедим, и я полы мыть буду.

– Ты и есть будешь в перчатках?

– Да, – кивнула Света, ей вдруг стало казаться, что папа задаёт эти вопросы неспроста. – А что, ты против?

– Да нет, нет... Просто странно... Ну, если хочешь, носи их, конечно.

Девочка подумала и сказала:

– Хорошо, па.

Но за стол с отцом уже не села, хотя есть ей хотелось, сослалась на дела и пошла менять своё постельное бельё, а по-

том и набрала ведро воды – полы мыть. А поесть ей удалось, лишь когда папа ушёл спать. Ему ещё сегодня нужно было идти в ночь на резку.

Света вечером, пока братья сидели за компьютером, взяла свой рюкзак и пошла в ванную. Там она достала из него бутылочку с шипом розы. Она вытрясла шип из бутылки. Он был очень острый, твёрдый. Даже не зная того, что шип ядовит, его можно испугаться за остроту и твёрдость. Светлана подумала немного и пошла в прихожую, взяла свой зонт, а потом залезла в папин ящик и достала оттуда клейкую ленту. Девочка внимательно осмотрела наконечник зонта. Он оказался не такой прочный, как ей бы хотелось, тем не менее... Наконечник её устроил. Шип можно было к нему прикрепить. И скотч подходил для этого как нельзя лучше. Света вспомнила мерзкую физиономию Мельника и поняла, что хочет, чтобы это... чтобы это случилось побыстрее. Когда она резала муходеда, ей было немного страшно и немного жалко его. А вот кота она убила походя, между делом, даже и не пожалев о нём.

Силача она завела в лес с опасением, что он уйдёт. А вот Мельника, Мельника Света убила бы с удовольствием. С радостью. Она взяла в руки ядовитую иглу и ещё раз оглядела её. Девочка опять представила его физиономию, посмотрела на шип. Да, она собиралась это сделать. Она хотела, чтобы Мельник сдох.

– Насколько я могу судить, это сделала Аглая, – монотонно вещал Любопытный.

Света сидела в углу рядом с битым стеклом и собирала вещи в свой рюкзак. Она вчера высыпала их, когда второпях искала шип розы. Девочка собирала монеты в узелок: надо не забыть взять парочку с собой и передать их папе.

– А как вы догадались, Лю, что эта была Аглая? – спросила Света. – Вы видели её?

– Нет, но на заборе напротив нашего помещения снова висят трупы тех существ, которых мама-Тая называет «своими сыночками».

Света бросила рюкзак, вскочила и пошла к двери, открыла засов и выглянула наружу. Точно, на заборе висели три истерзанных тела – синие мальчишки, кто-то без конечностей, кто-то просто растерзан, причём двое из них были совсем небольшие. Да, тут сомневаться не приходилось, это были проделки Аглаи. Её почерк.

– Значит, я не ошибся? – спросил голос.

– Нет, не ошиблись, – девочка хотела уже было закрыть тяжёлую дверь, но тут её внимание привлекли...

Она даже немного удивилась. Чуть дальше, около забора, лежали те самые две молодые собаки, которым Света отдала лапу силача.

Она их узнала. Обе были очень худые, а одна ещё и болела. Они пришли за нею, что ли? Теперь собаки были сыты, кажется, это они обглодали конечности у висящих на заборе

синих мальчиков. Впрочем, девочке было всё равно, пусть грызут, собак она почти не боялась. Её просто немного удивило, что они пришли сюда.

Света вернулась в комнату и продолжила собирать рюкзак, а Лю продолжил разговор:

– Человек Светлана-Света, думаю, что повреждения периметра в вашей комнате не будут для вас существенны.

Это он имел ввиду разбитое окно.

– Уберу стекла, а так... ничего страшного, – ответила Света. – Обойдусь и без стекла.

– Я так и подумал, но вот в моём случае это не будет носить столь безобидный характер, – продолжал Любопытный. – Если наша знакомая разрушит прозрачную стену в моём помещении, я утрачу значительную часть своей мобильности, и продолжительность моего пребывания с вами также заметно сократится.

Только этого ей сейчас не хватало. Света уже собрала рюкзак.

– Ваше окно на той стороне дома, Аглая оттуда не докинёт камня, – она осеклась, ведь Аглая могла докинуть, просто ей для этого нужно было подобраться к депошке со стороны проспекта, а докинуть... она докинёт.

– Нам всё-таки нужно уже сосредоточиться на решении этого вопроса, – продолжал Любопытный, – в ином случае рано или поздно Аглая решит вопрос с вами, Светлана-Света. А мне бы этого не хотелось.

– Мне бы тоже этого не хотелось, – сказала девочка и добавила: – и я уже решаю этот вопрос.

– Решаете? – кажется, Лю был удивлён. – Каким образом?

– Это там... в моём мире, – Света не знала, как ему объяснить. – В общем, мне помогут.

– Это очень и очень хорошие новости, – произнёс голос, и девочка знала, почему он радуется. Он всё ещё надеется заполучить кольцо мамы-Таи. Так и вышло. – Если у вас всё получится, то нам полагается в награду очень ценный артефакт.

– Да, осталось только сделать это дело.

– Надеюсь, что у вас всё получится; если нужна моя помощь, я с радостью помогу вам, но только завтра, сегодня я хочу закончить свои исследования у Черты.

Света ещё не была уверена, какая помощь ей нужна, и она произнесла:

– Ладно, тогда до завтра. Только, Лю...

– Я слушаю вас, Светлана-Света.

– Посмотрите, Аглаи поблизости нигде не видно?

– Хорошо.

Света ещё не успела собрать всё битое стекло к порожку, когда он вернулся и сообщил:

– В радиусе тысячи ваших шагов отсюда Аглаи нет.

И исчез в своей манере, не издав больше ни звука. А Света осталась одна. Она взяла обломок палки, открыла дверь и поглядела на собак, которые всё ещё лежали около забора.

Было тихо и ещё не очень жарко, туман только что рассеялся. Девочка вспомнила слова Элегантной Дамы: «Ты знаешь, какого». Это она говорила про жука. Свете нужно было найти жука. Какого именно?

Этого она не знала.

Девочка вышла из депошки и пошла на юг вдоль забора, пошла по мху, не стала сходить на асфальт, а собаки, увидав её, встали... Девочка не была большим знатоком собак и их повадок, но ей показалось, что эти две худые собаки настроены миролюбиво. Они помахивали своими хвостами, глядя на неё. Она старалась не смотреть на трупы синих мальчишков, висевших на заборе, но помнила, что их снизу уже погрызли, а значит, собаки не голодные, вот и машут хвостами.

Света перешла на бег, опасности она не чувствовала, потому соскочила на асфальт и побежала к ближайшим развалинам. И тут она почувствовала, как ожили два её чёрных пальца. Не то чтобы это была выраженная тревога, но девочка поняла, что за нею наблюдают; она обернулась и опешила: две собаки, две те самые молодые собаки, что валялись у забора с трупами, теперь сидели на асфальте в двадцати шагах от неё.

– Вы, что, дуры? – спросила девочка. – Зачем вы за мною ходите?

Одна из собак, у которой была на морде и голове какая-то болезнь, легла и положила голову на лапы. Света вспомнила, что она кинула им лапу силача, теперь собаки рассчитывают

получать ещё что-нибудь вкусное. Может, мясо синих мальчиков им не по нраву?

– У меня больше нет ничего, – сказала им Светлана, хотя и понимала, что её разговор с собаками выглядит со стороны как минимум глупо. – Идите найдите себе стаю.

Сказав это, Света стала карабкаться наверх, на кучу битого кирпича. Там она нашла кусок кладки из нескольких кирпичей, с большим усилием ей удалось его свернуть и откинуть, и там, конечно, были жуки, сразу три чёрных, как уголь, кусаки. Два небольших и один очень даже крупный. Света постояла немного, глядя, как насекомые копошатся и пытаются убраться из-под солнечных лучей, и поняла: Элегантная Дама вовсе не этих жуков имела в виду. А еще она поняла, что ей придётся тащиться туда, где за железнодорожной насыпью кружатся чёрные тучи из мух. Короче, ей снова предстояло сходить на Танцы. Эх, зря она отпустила Лю, он ей там точно не помешал бы.

Света сбежала вниз, поглядывая на сидящих невдалеке собак.

– Вы, что, ещё не ушли?

Собаки молча смотрят на неё и лишь слегка поводят стоячими ушами. У них большие глаза, длинные, как у борзых, зубастые и умные морды, а ещё достаточно крепкие для общей их худобы лапы. Здешние собаки отличные бегуны, это хорошо, что они не нападают на людей, от них было бы не убежать, будь иначе.

Она забывает про собак, вздыхает и глядит на восток, туда, где в её мире раскинулся большой район Купчино.

А собаки, как по команде, срываются с места и буквально взлетают на развалины, как раз туда, где Светлана ворочала камни Девочка, наблюдая за ними, с удивлением увидела, как они с жадностью набрасывается на что-то и едят это.

«Что они там могут жрать? – Света, признаться, удивлена. – Неужели жуков? Это что? Собаки-жукоеды?».

Впрочем, пусть едят, что хотят. Ей сейчас не до этой забавной зоологии. Свете нужно бежать. Она ещё раз взглянула на собак и побежала.

Слева руины «Питера», пустые каркасы модных высоток, справа «Окей» без стёкол. Она пробегает перекрёсток. Светлана снова чувствует, что на неё кто-то смотрит. Она оборачивается... И, конечно же, это они: собаки бегут за нею метрах в пятидесяти, бегут не напрягаясь, та скорость, с которой двигается девочка, для них скорость прогулки.

А Светлане это вдруг пришлось по душе. Она даже пожалела о том, что у неё ничего нет, ну там, хлеба какого-нибудь, она бы с удовольствием подкормила этих доходяг.

Глава 12

Сразу за перекрёстком она почувствовала запах. Да, уже тут чувствовалась вонь от жёлтой жижи, что заливала всю низину под мостом, и ей пришлось брать правее, к тем развалинам, в которых она встретила Анну-Луизу. Тут, у полу-

разрушенной панельной многоэтажки, она притормозила и обернулась. Она знала, что собаки следовали за нею. Теперь они тоже остановились. Светлане это нравилось. Собаки были похожи, наверное, они из одного помёта. С ними ей было спокойнее и веселее. Лю в последнее время всё чаще оставлял её, и девочке хотелось, чтобы хоть кто-то был рядом. Тем более что собаки-то симпатичные. Впрочем, для неё почти все собаки были симпатичными. Та, что помельче, была «девочкой», а тот, что болел, был «мальчик». Они улеглись в тени огромных лопухов и, кажется, собирались ждать Светлану, а та, хоть ей очень и очень не хотелось, полезла наверх, в квартиру Анны-Луизы. Из неё через почти отсутствующую стену открывался отличный вид и на насыпь, и на мостик из двух труб, и на чёрные тучи, что висели на востоке от моста. На этот раз великанов, которые ловили крокодилов, она у реки не увидела, а значит, путь был свободен, и нужно было спешить.

Света быстро спустилась из развалин и побежала к насыпи, оббегая разливы жёлтой жижи; обернулась – порадовалась, собаки бежали за ней. Теперь ей стало как-то легче идти в смрад и ужас кружащихся мух и валяющихся трупов. Хоть кто-то будет рядом. Но радовалась она рано, когда девочка спустилась с насыпи и обернулась, она увидела, что собачки-то не такие уж и дуры, «девочка» встала на самом верху и смотрела Светлане вслед. А «мальчик», так тот просто лёг между рельсов и лежал. В общем, собаки с нею не пошли.

Света вздохнула: жаль, – и двинулась к мосту. Мост метров восемь – две толстые трубы, выходявшие из насыпи, проходившие над жёлтой жижей, в которой ворочались толстобокие «крокодилы» с тупыми мордами. Они моргали глазами, внимательно глядя на приближающуюся девочку, следили за нею и медленно подтягивались к мосту. Света на секунду замерла на берегу – нечего тут бояться, она проходила по этим трубам уже четыре раза – и пошла дальше на мост. Светлана даже не дошла до середины, как из жижи, яростно работая хвостом, выскочил и на секунду завис один большой крокодил. Девочка замерла. Нет, Светлана не испугалась, она сохранила удивительное спокойствие, она просто сделала шаг назад, и морда крокодила шмякнулась о трубу ровно в том месте, где должна была быть её нога. Его круглая пасть с тонкими редкими зубами чавкнула, разбрызгав вонючую жижу, и крокодил рухнул вниз, к своим собравшимся сородичам. А Света быстро перебежала на другой берег. Тут везде нужно быть осторожной. Всё время нужно быть начеку. Только она перебралась на землю, как ей на лицо, на щеку, прямо рядом со ртом, плюхнулась жирная муха. Всё. Нужно укутываться. Девочка часто ловила себя на том, что ей хочется скинуть куртку. Куртка грязная, вонючая, липкая от пота. Ей и майку со штанами хотелось снять. Светлане казалось, что они стесняют её движения, мешают ей, не дают телу дышать, но тут, на Танцах, без одежды было просто не обойтись. Она спешно застёгивала куртку на все замки и пуговицы, затягивала

шнурки в поясе и капюшоне, капюшон натягивала на голову, а руки прятала в рукава.

Мухи. Их было столько, что их жужжание превращалось в нескончаемый гул. Света, пряча нос за поднятым воротником, шла вперёд. Открытыми у неё был только участок от бровей до переносицы. Не прошла она и ста шагов, как набрела на первый труп. На нём сидело пять или шесть мокрых птиц, девочка свернула к нему, подошла близко, но обнаглевшие пузатые птицы, которые там, за насыпью, ведут себя очень осторожно, тут сидели и нагло глазели на неё. Ей пришлось сгонять их с трупа палкой. Громко и возмущённо тьявкая, они стали тяжело взлетать с трупа, и Света смогла его осмотреть... Человеческий корпус, он лежал на боку, полсотни чёрных кусак, нет... трупоеда она на нём не нашла. Как хорошо было бы найти жука прямо здесь, у входа на Танцы. Она подняла голову. Дальше начинался, как говорил Владик о чём-то неприятном, лютый мрак. Ей нужен был яркий, чёрно-оранжевый жук с уродливой головой, и, не найдя его, Света пошла дальше в поисках нового трупа. Гул от мух усиливался, становилось темно, как в сумерках, а ещё шагов через сто девочка увидела танец. В воронке крутился, почти вертикально, ещё один труп: ноги вытянуты в струнку, руки раскинуты в стороны, голова запрокинута, издали казалось, что человек и вправду медленно крутится в танце и увлечён им. Вот только он был весь облеплен мухами. Света, даже будь на трупе жук, побоялась бы приблизиться к нему,

что-то в этих танцах было страшное и подозрительное, она понимала, что от этих воронок, в которых крутятся трупы, лучше держаться подальше.

– Уда-мне-е...

Свету передёрнула волна испуга, электрический ток пробежал в ней от сердца и до ног, полетел в голову, а там рассыпался мурашками по затылку и спине. Она быстро обернулась и увидела перед собой голую старуху без одного глаза и облепленную мухами, старуха протягивала девочке что-то. Это... это была вставная челюсть. И, шамкая пустым ртом, она едва различимо повторила:

– Куда мне?

– Что? – закричала Света испуганно.

– Куда мне идти дальше? – старая женщина смотрела на неё одним глазом и всё тянула и тянула к ней свою вставную челюсть.

– Я не знаю, не знаю! – заорала Света и сорвалась с места. Ушла от неё, шла быстро, но то и дело оборачивалась.

Старуха так и стояла на том же месте и всё протягивала кому-то свою челюсть.

Идти дальше было всё сложнее, морально сложнее. Мух становилось всё больше, трупов всё больше, мерзких птиц всё больше и «танцев» всё больше. Девочка начала разглядывать трупы, что находила, осмотрела маленький скукоженный труп – ничего, одни кусаки. А потом вытряхивая из-под капюшона противную, влажную муху, увидела большой

труп, точнее, не труп, а целую кучу мёртвой человечины, которой обедали чёрные жуки. Это был большой и толстый мужчина. И почти сразу, ещё не подойдя к нему вплотную, она увидела на нем, среди чёрных кусак, и его, красавца трупоеда в ярких рыжих пятнах. Он сидел у трупа на груди, под грудью, у соска, сидел и грыз плоть, впиваясь в неё своими крепенькими жвалами.

«Сама знаешь, какой!». То, что нужно. Большой, сильный жук с мощными лапами и ужасной головой. Элегантной Даме такой красавец должен понравиться. Света сразу полезла в рюкзак за банкой, достала её, отвернула крышку и крепко схватила жука за панцирь. Она не успела даже завернуть крышку, как увидела ещё одного жука, но поменьше. Удача, удача... Правда, второй жук значительно меньше первого, но и он полетел в банку: вдвоём вам будет веселее.

Света уже прятала банку в рюкзак, когда её второй раз за этот день пробил ужас: рука мертвеца пошевелилась, он попытался её приподнять... Девочка отпрянула; она не ошиблась, ей не привиделось, толстый человек, со всех сторон объедаемый жуками, попытался перевернуться на бок, но у него не получилось.

Он обмяк и застонал. Девочка схватила свою палку и кинулась прочь оттуда, бегом, бегом, мимо трупов, мимо «танцев», от мух и мокрых птиц подальше, назад, назад к светлеющей на солнце железнодорожной насыпи и мосту из труб.

На этот раз её попытались схватить за ноги сразу два кро-

кодила. И это было опасно, потому что первый забрызгал зловонной жижей трубы, на которых она немного поскользнулась, но всё-таки ей удалось пробежать мост. Девочка с огромным удовольствием стянула с мокрой головы капюшон и расстегнула куртку. Какой кайф, даже жаркое солнце ей не докучало, лишь бы не прятаться от мух и не морщиться от запахов. И ещё одна радость. Собаки её дождались. Когда она поднималась на насыпь, они встали и дружно начали помахивать хвостами. Она им тоже нравилась. Эх, жаль, что у неё ничего не было для них, впрочем... Света призадумалась и вспомнила, она побежала к ближайшим развалинам и нашла некрупный кусок кладки, чуть упёрлась и провернула его. Нет, там не оказалось того, что девочка искала. Ещё один кусок из колотого бетона, он лежит под репейником. Провернула – и вот они, штук шесть чёрных, шевелящихся, блестящих угольков – кусаки. Все хороших размеров.

– Эй, – Светлана обернулась к собакам, которые за нею внимательно наблюдали, – будете их есть?

Светлана отошла от перевёрнутого камня, как бы приглашая собак. «Мальчик» был явно посмелее, он, поглядывая на Свету, подошёл к камню, заглянул за него и, ещё раз поглядев на человека, схватил жука, схватил и с пластмассовым хрустом быстро разжевал его, проглотил, схватил следующего.

Тут уже и вторая собака подошла к камню, тоже взяла одного жука, захрустела им, хотя и не была так проворна в этом

деле, как её брат. Это было несправедливо: пока «девочка» съела лишь двух жуков, «мальчик» сгрыз всех остальных. Стоял и ждал ещё.

– А ты быстрый, – сказала Светлана, и добавила, – и эгоист, прямо Саске Учиха, – она огляделась и нашла ещё один камень, который смогла бы перевернуть. И прежде, чем перевернуть его, произнесла, обращаясь к собаке-«девочке»: – А ты не будь тупой, как Сакура. Беги сюда.

И под этим камнем нашлось несколько жуков, теперь же Светлана следила, чтобы собакам досталось поровну. Хотя бы приблизительно, потому что наглый Саске ел быстрее Сакуры.

Свете нравилось подкармливать этих худых животных, а собаки с радостью ели, хрустели, чавкали и уже совсем не боялись девочку, которая, ломая ногти и помогая себе палкой, переверчивала и переворачивала большие камни в поисках таких вкусных жуков. Жуки явно собакам были по вкусу.

Так продолжалось довольно долго; а куда ей было торопиться? Лю у Черты, до пробуждения время было, а вероятность того, что Аглая появится в этих местах, была ничтожной. Когда девочка устала, а Саске и Сакура поднаелись, она потихоньку пошла к депошке. И собаки шли с нею. Теперь они вели себя немного иначе: если сюда они бежали на почтительном расстоянии за Светой, то теперь либо бежали вокруг неё, либо бежали впереди, разнюхивая путь. Только один раз они отвлеклись, и то на полминуты, чтобы пой-

мать, разорвать и сожрать зазевавшуюся крысу. И Света была очень рада им, мама не позволяла ей завести собаку, даже кошку не позволяла, а тут у неё сами завелись, и сразу две. Девочка очень надеялась, что эти костлявые и немного жалкие животные не пропадут завтра, а будут ждать её возле депошки. И она не поленится снова ворочать камни, чтобы покормить их вкусными и прикольно хрустящими жуками. А пока они бегали рядом, девочке было спокойнее. И веселее.

Дойдя до проспекта Гагарина, Света стала заметно внимательнее; собачки – собачками, но получить по голове камнем от Аглаи ещё раз ей не хотелось. Теперь она останавливалась и прислушивалась к своим ощущениям, долго вглядывалась в прямую линию проспекта. Ждала сигнала от своих чёрных пальцев. Саске сел в нескольких метрах от неё, всё-таки он болел, он был слабее своей сестры, а Сакура отбежала вперёд и стала их ждать. Света не торопилась; пока не убедилась, что ничего не чувствует, и шагу вперёд не сделала.

У депошки она оставила собак снаружи, а сама забралась внутрь. Приходило время пробуждения, и она озаботилась тем, как проснуться у себя в кровати с жуком. Жук не монетка, его в рот не спрячешь. Фу! Впрочем, она случайно, просто в руках, вчера перетащила в реал шип розы, держала его в ладонях, ждала, что в окно запрыгнет Аглая, и... проснулась с шипом в своей постели. Светлана вытащила банку с жуками... Блин! Сажать их двоих в одну банку было ошибкой. Большой изрядно погрыз маленького, оторвал ему од-

ну из лап, чуть не оторвал хитиновую половинку панциря со спины. А ещё жуки перепачкали банку жёлтыми выделениями. Сразу видно – драка у них тут была нешуточная.

Света достала большого жука. Конечно, ей бы взять с собой маленького, потрёпанного, но она побоялась, что Элегантная Дама будет им недовольна. Девочка сложила руки в «молитве», и жук оказался у неё между ладоней. Ну а как ещё можно было его перенести к себе?

И что, трупоед смирился со своим положением? Он, во-первых, стал выделять из себя жёлтую жидкость, вонявшую чем-то едким, а во-вторых, он стал выбираться из рук девочки, всеми силами помогая себе своими крепкими лапами и, что самое неприятное, своими жвалами. А жвала у него были – что надо, не хуже косметических кусачек, хоть и небольшие, но острые и такие крепенькие. Он ими сразу прогрыз кожу девочки у основания большого пальца, и там тут же навернулась капля крови. Девочка стиснула зубы.

– Ах ты, гадина!

Но рук не разжала, она только закрыла глаза, чтобы быстрее открыть их у себя дома. А мерзкий трупоед грыз и грыз ей руки. Было больно и противно, но Светлана думала при этом: «Пусть грызёт, я потреплю, лишь бы не отложил личинку, как в прошлый раз!».

Светлана едва не закричала, вскакивая с постели. Все руки были в крови, бельё, постеленное вчера, снова придётся

менять. И пододеяльник, и простыню. И руки... Руки по локоть в кровавых потёках. Девочка вскочила и, теперь держа жука одной рукой, стала в столе искать какую-нибудь коробку для него; не найдя ничего лучшего, посадила жука в старенький пенал, с которым ходила в школу лет пять назад, – он как раз подошёл, – а после сразу побежала в ванную.

Смывать кровь по утрам, пока никто не встал и не видит её, становилось для девочки дурной традицией.

Блин! Все ладони изгрызены. Всё болит, неприятно щиплет, но даже морщась, Света не могла сама себя не похвалить, теперь она знала, что может проносить оттуда сюда всё, что угодно. Даже жуков. Девочка поглядывала на пенал, что лежал рядом с мыльницей, она была уверена, что Элегантная Дама будет довольна крупным и сильным жуком, который скребётся в пенале.

Глава 13

Кровь смыта, все ладони в глубоких ссадинах, но они уже не кровоточат, да и не так они важны. Ссадины – ерунда.

Чернота. Она стекала с пальцев на ладонь. Если бы у современных учеников были перьевые ручки и промокашки в тетрадях, девочка сравнила бы растекающуюся по руке черноту с растекающимися по промокашке чернилами. Странное дело, но теперь это не пугало её так, как пугало раньше. Раньше, пока она не показала это Владуку...

Владик. Точно. Света выбегает из ванны, захватив пенал,

вбегает к себе, хватает телефон. Ещё нет семи, но она уже набирает номер справочной двадцать шестой больницы. Нет, долгие гудки, трубку никто не берёт. Света почему-то думала, что справочная служба должна быть круглосуточной. Она подошла к окну, хотела положить трубку и вдруг почувствовала... Светлана не ошиблась, из-за окна, из предрассветной влажной и холодной темноты утра кто-то смотрел на неё. Опять, блин! Опять кто-то следил за нею с улицы. Девочка оделась, надела перчатки, достала из рюкзака деньги, двухсотенную купюру, и пошла в мамину комнату.

Нафиса сразу согласилась отвести братьев в садик, две сотни для неё лишними не были. Тем более что сразу после Света разрешила ей идти домой, сказав, что утренние процедуры с мамой она проведёт сама.

Близнецы встали, быстро собрались, хотя и были удивлены тем, что в садик их поведёт не сестра. Они вышли из парадной вместе с сиделкой, а Света смотрела на них из окна, ждала, пока скроются за углом. Девочка решила, что не будет спешить, пусть те, кто за нею следят, подождут. Она решила позавтракать, и позавтракать как следует. Светлана пошла на кухню и поставила вариться гречку. Гречка со сливочным маслом и сахаром – очень вкусно, а пока каша варится, она занялась мамой. Сменить и помыть контейнеры, ввести лекарства, а потом нужно было обработать маму губкой со специальным мылом и перевернуть набок. Света всё знала и всё умела делать, не хуже любой сиделки, что у них

работали. Она делала это уже много раз.

Поведение папы её не очень удивило, не удивила её и его вполне резонный вопрос:

– Светка, а ты что не ешь?

– Я уже поела, па... Рано встала. А сейчас прибраться хотела. – отвечала девочка, держа в руках мокрую тряпку.

– Ну посиди со мною хоть пять минут, – просит отец.

Светлана бросает тряпку в раковину и садится за стол с отцом, потом встаёт, ставит чайник на газ, и снова садится.

– А ты перчатки эти совсем теперь не снимаешь? – спрашивает папа. Он тоже любит гречневую кашу, но сейчас он ест её без аппетита, даже нехотя.

– Почему? – Света настораживается. Ей этот разговор и, главное, тон отца, не очень нравится. – Снимаю, когда ничего не делаю или когда спать ложусь. А что, па?

– Ничего, – он набирает каши в ложку, но не отправляет её в рот. Держит на весу. – Просто странно. Раньше ты перчатки не носила.

– Раньше? – Света всё-таки не была душой, хоть и училась неважно. – Так раньше у нес денег на перчатки не было.

Ответ логичный, но отца он, кажется, не устраивает.

– А ну-ка сними их, – вдруг говорит он.

– Снять? – Светлане становится не по себе. Под левой перчаткой два чёрных пальца, они здоровые, они прекрасно работают, сгибаются, разгибаются, они подают ей сигнал тре-

воги, когда это необходимо, но они чёрные, страшные, нечеловеческие. Что скажет папа, когда их увидит? Она не знает. Люди, наверное, не все такие, как Влад, они шарахаться будут. И поэтому она не хочет, чтобы пальцы кто-нибудь видел, и теперь не знает, что сказать отцу по поводу этих пальцев. Сказать, что прикоснулась ими к призраку во сне?

«Да, пап. Поверь мне. К призраку! Во сне! А врачи ничего в этом не понимают».

И если сказать папе, что сон – это не шутка, что она из этого сна приносит монеты, которое так выручают семью, он точно ей не поверит, сочтёт её ненормальной. Девочка этого не хочет, она не хочет погружать папу в весь этот бред и мрак. После её рассказов отец просто отправит её в сумасшедший дом, как делали родители Анны-Луизы. Хотя бы чтобы проверить свою единственную дочь.

«Придётся что-то ему сказать, только вот что?». А пока ещё не придумала, Света со шлепком стягивает перчатку с правой руки, она чиста, на ней все пальцы нормальные. Девочка спокойно протягивает отцу перчатку: тебе нужна перчатка, папа, держи. Она протягивает ему перчатку так, чтобы он, не дай бог, не увидел, что её ладони все в свежих ссадинах, которые оставил злобный жук.

Но отец её не взял, он поглядел на чёрный кусок латекса, который ему протягивала дочь, и принялся есть кашу.

Победа! Фу, отлегло... Папа больше не интересуется её руками.

– Давай-ка в школу собирайся.

– Ладно, па, – она встаёт и надевает перчатку.

Уйдя в свою комнату, Светлана первым делом подошла к окну, выглядывает из-за занавески, ну конечно... Серое утро, жёлтые листья завалили весь двор. Те машины, что ещё не разъехались из двора, тоже в листьях, и из одной из этих машин на неё кто-то смотрит. Их, как ей кажется, двое. Да, двое, двое...

Это хорошо, что додумалась отправить близнецов в садик с сиделкой. А сама она уж как-нибудь справится. Девочка начинает одеваться. Сегодня ей не до красоты. Платья, юбки – это всё в следующий раз, а сейчас старые треники, которые уже коротки и вот-вот разойдутся на попе, старые кроссовки. Сегодня она купит себе всё новое, поэтому девочка берёт с собою двадцать тысяч. Этого должно на всё хватить. Она надевает плащ. Он яркий, его хорошо будет видно, но стоит его снять, и ты уже другой человек. Света забирает с собой зонт и берет. Шип розы, пенал с жуком уже в её рюкзаке.

– Па, я пошла!

– Давай, дочка, – кричит отец из комнаты мамы.

Когда дверь за девочкой закрылась, он берёт костыли и идёт в её комнату, садится за её стол, выдвигает ящик: о, у дочки сегодня намечаются серьёзные покупки, денег заметно поубавилось. Не найдя больше ничего интересного, он встаёт и снова вспоминает слова бабищи про девичьи кровати. Светлана вчера поменяла постельное бельё, новое, белое

бельё... Несколько мелких бурых пятнышек. Что это? Он отворачивает верхний край одеяла. Весь пододеяльник изнутри в таких же пятнах. Это кровь! Андрей Сергеевич удивлён: вчера большое пятно на подушке, сегодня весь пододеяльник в мелких пятнах, что происходит с дочерью? Он даже не мог предположить, что с нею. У него не было вариантов.

Светлана выскочила из парадной и сразу повернула налево к арке. Она хотела побежать, но ей хватило выдержки не сорваться на бег, а пойти спокойно. Пусть эти двое видят её яркий плащ, пусть начнут действовать!

Она знала, что они её увидели. Пальцы. Девочка уже не сомневалась в том, что они не ошибаются. И, зайдя в арку, Света побежала, ей нужно было увеличить расстояние между собой и преследователями. Она бежала по дороге, с обеих сторон уставленной машинами, между рядов машин расстояние было совсем небольшое. И сразу из арки за нею выехала темная, не очень новая машина. Света обернулась; стёкла затемнены, сколько людей в машине – не рассмотреть. Но девочка знала, что их там двое. Она, набирая скорость, побежала по дороге, а авто с этими двумя поехало за нею.

«Поиграем?». Сердце стучало учащённо, у неё появился даже какой-то азарт. Света протискивается между бамперов двух машин и легко перепрыгивает через маленький заборчик, бежит по скверу к зданию Учебного коллектора. И что теперь предпримут эти двое? Будут сдавать назад или поедут

по кругу? Света за ними следит, она вертит головой. Девочка хоть и волнуется, но улыбается. Улыбается, ведь с силачом ей было и сложнее, и страшнее. Машина достаточно быстро поехала объезжать скверик по кругу, сдавать назад они не решились, слишком там было узко. Ну и хорошо. Светлана тут же, сменив направление, вернулась на узкую улочку и по ней побежала в обратную сторону от движения машины. Она всё ещё злорадно улыбалась, остановившись у угла дома и видя, как навстречу тёмной машине, которая её преследовала, поехал красенький «мерседес» – какая-то мамочка повезла своего ребёнка в садик или частную школу, которых в Учебном коллекторе было предостаточно.

Избавиться от этих двоих... это было, как говорили её одноклассники, изи. Она побежала к проспекту, к светофору, на ходу снимая плащ и заталкивая его в рюкзак. Берет девочка тоже сняла, тоже спрятала. Теперь издали эти люди её не узнают.

В старой олимпийке, в трениках не по размеру и рваных кроссовках под морозящим дождиком ей было не очень уютно. Но она только прибавила шага и уже через несколько минут увидела ТК «Радуга». Там-то ей будет тепло, она купит себе новую спортивную одежду – брюки, куртку и, главное, туристические кроссовки. Крепкие, с протектором, для зимы. Как хорошо было иметь деньги. Не нужно ничего ни у кого клянчить, взяла сколько тебе нужно из верхнего ящика

стола, пошла и купила то, в чём нуждаешься.

Отличная флисовая куртка «Кечуа». Всего за четыре тысячи! Темная, немаркая, удобная. Капюшон и воротник, карманы... В общем, офигенная. Эластичные брюки для бега, всего за две семьсот. Той же фирмы. И... раз уж всё «Кечуа», то пусть и кроссовки будут этой же кампании. «Кроссовки походные водонепроницаемые» за три пятьсот. Жестокова-та подошва, на жесткой подошве любят бегать только спринтеры, но Светлане они понравились: отличный протектор, и очень удобно ноге. Носки, две пары. Нижнее бельё для занятий спортом. Особенно ей был нужен спортивный бюстгальтер, у неё заметно выросла грудь. И грудь, и грудная клетка. О, с каким удовольствием, выйдя из спортивного магазина, Света выбросила всю свою старую, влажную, рваную и плохо пахнущую одежду в большую урну. Выбросила, поправила рюкзак и, поигрывая зонтом, пошла вдоль витрин вся в новом, такая классная. Глядела на себя во все встречные зеркала и сама себе нравилась. Интересно, а Владу понравилась бы её новая одежда? Точно, как она забыла позвонить?! Света достала телефон: номер, набор.

«Справочная служба двадцать шестой больницы»

«Пахомов Владислав».

«Состояние тяжёлое, реанимация, подготовка к операции».

Всё. Реанимация. Как говорил папа когда-то: дело дрянь. И уже новые вещи не радуют, и поплакать захотелось.

Света пошла есть дорогой гамбургер в «Бургер Кинг». Купила себе ещё картошки и луковых колец. И целых пол-литра пепси-колы. Но даже вкусная еда не принесла ей радости. «Состояние тяжёлое». Больше ни о чём сейчас она не могла думать, до тех пор, пока у неё не задёрнулись пальцы. Кто-то был за её спиной. Светлана быстро развернулась и увидела...

Народу на фудкорте было немного, и Элегантная Дама сидела за пустым столиком, на ней была маска и солнцезащитные очки. Руки в перчатках разминали сигарету с жёлтым фильтром.

Света сразу всё поняла, она, оставив свой поднос, подошла к ней.

– Как ты узнала, что я тут? – сразу спросила Дама. – Ты не должна была знать, что я у тебя за спиной.

– Не знаю, – девочка пожимает плечами, говорить о том, что она чувствует взгляды затылком, а опасность пальцами, ей не хочется. Об этом лучше никому не знать. Хотя поделиться, ну хоть с кем-нибудь, так хочется!

– Я знаю, что ты принесла мне то, что я хотела.

– Угу, – Света спешно лезет в рюкзак, и там, под свернутым плащом, находит пенал, чуть приоткрывает его, и сразу в дырочке показываются усы жука.

Элегантная Дама молча протягивает руку в перчатке: давай. Светлана достаёт жука, держит его крепко, ей вовсе не хочется, чтобы он у неё улетел, лови его потом по всему торговому комплексу. Она немного волновалась ещё утром, то-

го ли жука она добыла, но теперь девочка была спокойна: того, того.

Дама взяла жука за спину, за панцирь. И сняв маску, никого не стесняясь, широко, очень широко разинув рот, опустила туда, в черноту глотки, бешено шевелящего лапками жука. И закрыла рот.

Света видела, как она сделала глотательное движение и как ком прошёл по пищеводу. Потом Элегантная Дама приподняла свои чёрные очки и, взглянув на девочку глазами цвета грязного весеннего льда, произнесла:

– Плата принята. Теперь быть делу!

– Это та женщина..., – теперь девочке нужно было объяснить ей, кого она желает убить. – Мы... Вы её видели, я встречалась с нею в сквере, недели две, нет, три назад... Она...

– Я помню её, – сказала Дама, вставая.

«Прекрасно». Светлана спрятала пенал в рюкзак и уже хотела отойти от неё, вернуться к своему подносу с едой, но Дама её остановила довольно ехидным тоном:

– Куда это ты собралась?

– Я? – девочка растерялась. – Как куда? Я думала, я не нужна...

– Нет, ты нужна, – твёрдо произнесла Элегантная Дама. – Ты, ты укажешь мне ту, чьей смерти ты желаешь.

– Но я..., – начала лепетать Света. – Я не думала...

– О чём ты не думала? Что тебе придётся участвовать в

этом?

– Да нет... Я просто... Я думала, – девочка не хотела в этом участвовать, она не собиралась, не была готова. – А что мне там делать? Я думала, вы всё сделаете сами.

– Ты пойдёшь со мной и укажешь мне на ту, чьей смерти ты желаешь, – твёрдо повторила Дама. – Или дела не будет.

Вот теперь Света почувствовала себя не очень комфортно, она себе всё представляла вовсе не так. Она не хотела в этом участвовать, не хотела видеть, не хотела про это знать, она выполнила свою часть сделки, но эта...

Эта противная женщина уступать не собиралась.

– Так ты идёшь или нет? – строго и холодно спросила у девочки Элегантная Дама.

Хотела-не хотела, она уже всё сделала для этого, чего уже теперь останавливаться? Как говорил Владик: «Поздняк метаться». Зря, что ли, ходила на Танцы? А ещё Света понимала, что с Аглаей вопрос решать всё равно нужно. Да. Нужно решать, нужно...

– Ну... Раз по-другому нельзя... Иду, – ответила Света.

Глава 14

Девочка так и не увидела Элегантную Даму до самого конца пути, ни в метро, ни на улице её не было. Света уже начала волноваться, шла и оборачивалась всё время в надежде увидеть её, но от Петроградской до самого сквера профессора Попова Светлана шла одна. И только там она почувствова-

ла, что Дама рядом, и сразу услышала её холодный, низкий голос:

– Нам везёт, ни ждать, ни искать её не придётся. Она здесь. Иди вперёд.

Близился конец октября, было уже прохладно. И красиво. С асфальта листву убрали, но все газоны были устелены жёлтым ковром. Мокрые лавочки тоже в листьях. Людей вокруг было мало – дождик. И тут Светлана увидела её у памятника Попову. Она шла под зонтом навстречу девочке, шла, опустив глаза вниз, не смотря по сторонам. Всё в том же вязаном пальто, в аккуратных сапожках, без шапки и перчаток. Её пышные волосы чуть трогал сырой ветерок. Аглая. Она сейчас совсем не напоминала ту буйную сумасшедшую, которая с радостным смехом пыталась четвертинкой кирпича разmozжить Светлане голову. Это был другой человек, человек, к которому Света не испытывала никакой неприязни. Девочка остановилась. Дама тоже. Она встала так близко к Светлане, что та почувствовала холод. Холод в левой руке и левом боку.

– Укажи мне ту, чьей смерти ты желаешь, – услышала девочка. Это был очень низкий, совсем не женский, рокоchущий, что называется, замогильный голос. – Ну! Укажи!

Светлана испуганно взглянула на неё; теперь на Элегантной Даме не было солнцезащитных очков, не было медицинской маски, её голову не покрывал платок. И она была ужасна! Она не выглядела старухой, но её волосы были белые, как

бумага, и серое лицо в чёрных мокрых язвах резко контрастировало с ними.

– Я жду, – всё тем же рокочущим голосом продолжала Дама.

Тут, в этом месте и в это время, стоя к ней так близко, что у девочки даже в перчатке мёрзли пальцы, больше всего Светлане не хотелось злить это страшное существо. И она, подняв руку, указала пальцем на Аглаю, которая проходила мимо них.

– Вот она, – девочка едва смогла это произнести. В её голове уже кружились мысли, видения, страшные видения расправы над Аглаей.

«Что? Что она сделает с Аглаей?».

– Да будет так, – произнесла та, которая только что была Элегантной Дамой, и теперь являлась какой-то... ужасной женщиной.

Она широкими, не женскими шагами направилась к Аглае, быстро догнала её и... никаких кровавых расправ не последовало.

Ужасная женщина просто взяла её под руку. Это было странное зрелище, девочка даже повертела головой, ища того, кто видел это и разделит бы её... недоумение.

Ужасная Женщина и Аглая не спеша шли под ручку, словно старые добрые знакомые. И Аглая не сопротивлялась, даже ничего не говорила Ужасной Женщине, не возмущалась, не спрашивала, что происходит. Она просто покорно шла с

нею, шла к выходу из сквера. Света, идя за ними, всё видела, девочка, признаться, была шокирована тем, как буйная и страшная Аглая сейчас себя ведёт. Это было не похоже на неё. А тут ещё... Аглая, переложив зонт в ту руку, за которую её придерживала Ужасная Женщина, а высвободившейся рукой полезла в большой, немного отвисший карман своего пальто и тут же, незаметно, что-то бросила на землю. Света, шедшая сзади, стала рассматривать, что это, и поняла: это была одна пластинка, полупустой блистер с белыми таблетками, который был завернут в клочок бумаги в клеточку. В исписанный кусочек тетрадного листа. Девочка остановилась, зачем-то взглянула на Ужасную Женщину – не смотрит ли, – и быстро подняла с земли всё это.

Как раз в этот момент Аглая обернулась назад и посмотрела на Светлану; и девочка в её взгляде не увидела ни страха, ни злости, нет, ничего подобного в её глазах не было, и Свете стало не по себе. Ведь это... это была совсем другая Аглая. Светлана даже подумала о том, что зря... зря она всё это устроила. Впрочем, у неё хватило ума понять, что ничего исправить уже было невозможно. Ужасная Женщина неумолимо вела Аглаю к выходу из парка. К Каменноостровскому проспекту. Там было заметно больше народу, и Света начала бояться, что на эту, мягко говоря, странную пару станут обращать внимание. Но ничего подобного не происходило, Ужасная Женщина, ничуть не скрываясь, вела Аглаю под ручку, а спешащие под дождём пешеходы даже не смот-

рели в их сторону. И это было странно: неужели никто не замечал их? Нет, никто не замечал даже тогда, когда они остановились на пешеходном переходе. Как раз напротив кафе «Марка».

Они мешали людям, потому что встали у поребрика как раз на разрешающий, зелёный сигнал светофора и мешали людям перебежать забитый машинами проспект. Света не понимала, почему Ужасная Женщина не переходит на другую сторону. Светлана просто стояла чуть позади них и ждала, ждала того, что случится. А случилось то, что и должно было произойти, для пешеходов загорелся красный свет, и последние из них заскочили на поребрик. Машины поехали, и... и всё произошло быстро, очень быстро. Ужасная Женщина положила руку на спину Аглае, её большая серая ладонь, на сей раз без перчаток, легла прямо в область между лопаток. Аглая успела лишь обернуться, ещё раз взглянуть на Светлану, и всё... Большой, медленно проезжающий у самого поребрика рейсовый автобус даже не сбросил скорости, когда ему под передние колёса, выставив руки вперёд, упала женщина с пышной шевелюрой и в светлом вязаном пальто. Кто-то неистово заорал, кто-то просто взвизгнул по-женски. А автобус тут же остановился. Передняя дверь открылась, и из неё вывалился немолодой водитель; он, тяжело встав на колени, заглянул под автобус и тут же поднял перекошенное лицо и закричал стоявшим у светофора людям:

– Скорую, скорую вызвал кто-нибудь?!

Дождь не прекращался. На деревьях почти не осталось листьев. У проспекта было душно от выхлопов машин. Светлана, стоя под зонтом, в оцепенении смотрела на всё это, на быстро собирающуюся толпу, на машины, которые, создавая на дороге сутолоку, пытаются объехать автобус, слушала крики и звуки автомобильных гудков и не могла поверить, что всё это всё-таки произошло. И что устроила это именно она. Девочка вздрогнула, когда рядом с нею появилась Элегантная Дама, снова в платке на голове, в солнцезащитных очках, наверное, она и медицинскую маску надела бы, если бы не курила. Она выпустила дым и произнесла своим обычным голосом:

– Плата принята, дело сделано. Мы в расчёте.

Светлана только начала приходить в себя после ужаса, парализующего оцепенения, и теперь ей больше всего на свете хотелось отвлечься от того, что происходило в двадцати шагах от неё, от толпы, от автобуса, от сигналящих машин, и она произнесла:

– У меня есть вопрос к вам... если позволите?

– Задавай, – милостиво разрешила Дама.

– Зачем вы съели трупоеда? Он, что, вкусный? Или, может быть, полезный?

– Трупоеда? Ты называешь солнечного жука трупоедом? Ты ничего не знаешь о солнечных жуках?

Света покачала головой.

– Этот жук собирает последние капли жизни с умираю-

щих и умерших. И эта жизнь в нём живёт. Капля маленькая, но она в нём почти всегда есть, – Элегантная Дама повернула лицо к Светлане и произнесла с тягучей и бесконечной тоской: – иногда мне очень хочется почувствовать в себе эту обжигающую жизнь, хоть что-то живое внутри себя.

– Обжигающую? – переспросила девочка.

– Да, смертная дева, жизнь обжигает, но именно эти ожоги и есть главное подтверждение жизни.

Вообще-то, Света ничего не поняла, философия какая-то, муть, но по тону последней фразы догадалась, что дальше Элегантную Даму лучше уже не спрашивать. Она кивнула и, повернувшись, пошла прочь от этого неприятного места. Сначала пошла, а потом и перешла на бег, и бежала до самой станции метро Петроградская.

Светлана до самого дома не вспоминала про них. Ужасная Женщина, Аглая и пришедшая откуда ни возьмись жалость к ней, автобус, мысли про жука, – это напрочь заслонило всё остальное. Но едва она подошла к своему двору, всё это сразу отошло на второй план. Сразу, как только у неё скрючились пальцы. Свете стало уже казаться, что она научилась определять место, с которого на неё смотрят. Теперь на неё глядели из угла двора, и она, на ходу выхватив ключи из рюкзака, пролетела два десятка метров до своей парадной и, отперев дверь, залетела внутрь. Дверь на доводчике закрывалась медленно, и она притянула её – так быстрее. Фу, тут, в па-

радной, она тревоги не почувствовала. Света через три ступеньки взлетела к себе на этаж. И совсем успокоилась только тогда, когда за нею закрылась тяжёлая дверь квартиры.

– Светка? Ты? – доносится из комнаты голос отца.

– Да, па, – нужно было побыстрее проскочить в свою комнату и переодеться, пока папа не увидел её новую одежду. Она потом отцу её покажет.

И ей это удалось, она забежала в ванную, мыть руки, а когда уже переоделась и натянула на руки перчатки, из кармана новой одежды выпали те самые таблетки с запиской на бумаге в клеточку, о которых она уже позабыла. Света спрятала их в карман стареньких домашних брюк, решила, что позже посмотрит, что там, а пока пошла к отцу.

– Ну, как дела в школе? – спрашивает папа.

– В школе? – девочка врёт отцу всё увереннее и увереннее. – В школе всё норм.

– То есть у тебя всё хорошо? – уточняет отец.

– Да, па, – «Сегодня Элегантная Дама по моему заказу убила одну сошедшую с ума, которая отравляла мне жизнь во сне, мне немного её жалко, но в основном я рада, что всё наконец разрешилось». – У меня всё норм.

– А я увидел у тебя на пододеяльнике пятнышки, это, по моему, кровь. Ну, мне так показалось. Или это не кровь?

– Кровь, па, – Света опять врала. – Утром чихнула, и из носа несколько капель разлетелись, я постираю пододеяльник с отбеливателем, он будет как новый.

– Чихнула, и из носа пошла кровь?

– Ага, но совсем немного. Ладно, па, давай я здесь пыль протру, а ты пока поспи, тебе ведь скоро на работу.

– Поспать я, конечно, посплю, но сегодня на резку не пойду, – вдруг говорит отец.

– Не пойдёшь? – удивляется Светлана.

– Не пойду. Замордовался я последнее время, – говорит папа. – Ни дня, ни ночи не различаю, всё смешалось, уж не знал, как до февраля дотянуть, а тут ты со своими монетами – выручила. Теперь кредит погашен, теперь денег побольше станет, можно и пореже на резку ходить.

– Да? – Света, признаться, не ожидала такого. Девочка привыкла, что отца почти всё время нет дома, и она принадлежит сама себе. Но разве об этом можно сказать папе? – Супер, па.

Светлана идёт в ванную, набирает полведра воды, берёт тряпку, чтобы сделать влажную уборку хотя бы в маминой комнате. Отец встаёт и, стуча костылями, уходит в свою комнату спать, а девочка, поставив ведро, садится на его место, в кресло рядом с мамой. Она достаёт из кармана таблетки и бумажку в клеточку. Светлана вспоминает, как Аглая это выбросила, и ей стало казаться, что это было сделано так, чтобы Света всё видела. Девочка читает, что написано на таблетках: «Феназепам». Она никогда не слышала о таких таблетках. Если бы мама или папа такие лекарства принимали, она бы знала про них. В пачке осталось всего шесть табле-

ток. Ладно, что там в записке? Света разворачивает бумажку. Буквы маленькие, неровные, девочка едва разбирает слова:

«Я уже устала тебя ждать».

«Кого? Кого она устала ждать? Меня?», – думает Света и читает дальше.

«Жду тебя, жду, а ты всё не приходишь. Это уже третье моё письмо к тебе. Думала, что ты придёшь раньше. Ты не злился на меня... Ну, за то, что я на тебя нападала... Это не я, это голоса в моей дырявой голове. Они заставляли меня. От них нет спасения, только таблетки... Я уже пью в два раза больше, чем мне прописал врач, но всё равно они пробиваются, я их слышу... Они изводят меня, требуют, чтобы я кого-то убивала, а когда убиваю, они меня хвалят. Они просили убить тебя, но я сразу поняла, что ты меня от них освободишь... убьёшь меня тут или там... Мне всё равно... Вот только ты никак не приходила меня освобождать... Наверное, ты очень добрая... Ты не такая, как я. И не злился на меня за то, что я била тебя и кидала камнями, это мне приказывали голоса... Ты ведь меня понимаешь, ты ведь тоже слышишь их... Они звучат и звучат в голове, и с ними нельзя договориться. Ты тоже берегись своих голосов. Ну, ты ведь меня понимаешь... Я жду тебя всё время».

У Светы не осталось сомнений, что письмо адресовано ей, тут и про избиение, и про камни. Да, ей... Значит, Аглая ждала её? Ждала?

Девочка пребывала в растерянности. Аглая знала наперёд, что Светлана за нею придёт, возможно, она специально на неё нападала, чтобы Света скорее решилась с нею покончить.

«Лучше бы я попросила у Элегантной Дамы убить Мельника». Это да! Вот уж кого Свете точно не было бы жалко. С того самого момента, как она увидела его в суде, на который пошла с папой, её ненависть к Мельнику не ослабевала. Стоило только о нем вспомнить, и всё, кулачки сжимались сами. Ещё тогда этот упитанный, очкастый человек с короткими седеющими волосами вызвал своим поведением в девочке острую неприязнь и желание сделать ему что-нибудь плохое, которое не затихало и по сей день.

«Ну вы же врёте всё время!», – кричал ему папа, и Света верила папе, конечно, папе, а не всем этим судьям, и адвокатам, и полицейским экспертам. И с тех пор она была уверена, что все беды, случившиеся с её семьёй, – это заслуга этого гада.

«Может, потратить оставшегося жука на него? Интересно, Дама возьмётся за новое дело? А может, всё сделать самой?»
Светлана задумалась.

Глава 15

Теперь, после письма, ей точно было жалко эту сумасшедшую.

Света понимала: жить в её состоянии было нелегко. Но и у самой девочки жизнь была не сахар. Вот прямо перед

нею лежала на медицинской кровати её мама. Ах да, точно: Владик.

Она достаёт телефон:

«Справочная служба двадцать шестой больницы».

«Владислав Пахомов».

«На операции»

На операции. Это какая по счёту, вторая? Третья? Девочка уже не помнит, она едва сдерживается, чтобы не заплакать. Вскakiвает с кресла, хватает ведро, тряпку, ей нужно как-то отвлечься, ни в коем случае не плакать. Она начинает стирать пыль с приборов контроля, что стоят вокруг мамы, там всегда куча пыли, эти электрические ящики словно притягивают её. Ещё надо будет приготовить еду, ужин себе и папе. Но перед этим поменять постельное бельё, оказывается, папа заходит к ней в комнату, когда её нет дома. Это надо учитывать в будущем.

Света с ведром и тряпкой пришла в свою спальню и сразу почувствовала тревогу! Она поставила ведро у двери и подошла к окну. Ну, так и есть. Машина стояла в десятке метров от парадной. Её опять ждут. Свету даже затрясло от мысли, что там сидят те же наглые твари, что порезали Владика. И теперь они ждут её, Владиком они ограничиваться не хотят.

Она лезет в карман за телефоном, первая мысль – позвонить следователю Соколовскому. Ну да, конечно, позвонить! Он давал ей свой номер, но Света его выкинула. Дура!

Наверное, у папы есть, но папа спит. Ах, как было бы здо-

рово, если бы к этой машине подъехала машина полицейская. И этих двоих, а Света не сомневалась, что их там двое, вытряхнули бы и скрутили, как показывают в криминальных хрониках. Она бы с удовольствием опознала того, который на неё напал в парадной. Эх, жаль, что она выкинула телефон. Может, добежать до отделения? Но где гарантия, что Соколовский сейчас там? Она могла и отсидеться дома, но ей нужно было забирать близнецов из садика. Впрочем, к тому времени проснётся папа, и будет видно. А пока девочка бросила в стол блистер с таблетками и записку от Аглаи, сняла заляпанный кровью пододеяльник и пошла на кухню готовить ужин. И пока она его готовила, то снова думала о Мельнике.

Папа встал около шести, к тому времени Светлана уже сама поела и теперь накладывала ему еду, макароны и жареную колбасу. Ко всему этому подала папе абхазскую аджику, он её очень любил.

– Ты теперь перчатки эти совсем не снимаешь? – поинтересовался отец, глядя, как дочь ловко управляет с посудой.

– Что, снять? – спросила Света, она, конечно, блефовала.

– Да не нужно, – папа махнул рукой и взял вилку.

– Па.

– Что?

– А у тебя остался телефон следователя?

– Не помню, кажется, я не записал, может, его визитка в

кармане осталась, нужно посмотреть. А что?

– Да так, вспомнила кое-что. Па, а ты сможешь сходить за близнецами?

– А у тебя, что, дела, что ли?

– Ага, нужно маму помыть, пока сиделка не пришла, – говорить отцу, что её сторожат на улице, ей почему-то не хотелось. Ему и так непросто.

– А может, сходишь за братьями, а потом помоешь маму?

Разумный вопрос, нужно что-то было придумывать, и Света придумала:

– Па, там ребята из класса собираются сходить в Макдак, меня позвали. Я часика на два, не больше. Хочу маму помыть, дожждаться вас и уйти. Можно?

– Ну так мне надо уже выходить, – отец был рад, что Свету позвали куда-то одноклассники. Раньше такого не было. Он сразу согласился, позабыв про свои подозрения.

– Да не, па, поешь, ты до семи успеешь.

Когда папа привёл близнецов домой, Света уже оделась. Она ещё раз подошла к окну: ждут? Могла бы и не подходить. Ждут.

– Ну, ты к девяти-то вернёшься? – спросил папа, когда она уже обувалась.

– Да, па, если буду задерживаться – позвоню, – обещала Света.

По стеклу окна бежали капли, но она не надела резиновых

сапог – для дела, на которое она решилась, ей лучше быть в кроссовках и в новых спортивных вещах. Плащ, берет, зонт, перчатки и все вещи, что ей были нужны, она проверила и уложила в рюкзак. Света была готова. И, ещё раз выглянув из-за занавесок на тёмный двор, Светлана открыла дверь и вышла в парадную.

Дверь распахнулась, и она побежала. Вот она, та машина, там внутри что-то светится, приборная панель, что ли, но лиц не рассмотреть. Нет, Светлана обязательно завтра дозвонится до следователя, вдруг там в машине те же твари, что порезали Владика, а пока она пробежала мимо автомобиля. А у того сразу загорелись фары, зашуршал двигатель, но было поздно, девочка уже свернула на узкую дорожку в палисадник и, пробежав по ней, свернула за угол дома. Оттуда, сменив направление, нырнула в заросли кустов и деревьев, туда, где между домами нет фонарей, стоят лавочки для любителей выпить и поцеловаться, и где собачатники выгуливают собак. Света пролетела мимо дома и, ещё раз сменив направление, выбежала к улице Ленсовета.

Она была осторожна, перебегая улицы, хотя тревоги уже не чувствовала, всё ещё смотрела по сторонам, ища глазами тёмную машину, похожую на ту, что ждала её у подъезда, но всё было нормально. Дворами, дворами и бегом Светлана добралась до Московского проспекта и на площади Стругацких перешла на другую его сторону. Всё, тут она уже была спокойна. Тут Света перешла на шаг и раскрыла зонт. До-

шагала до сто пятьдесят первого дома. Забор, шлагбаумы, будочки с охраной. Она всё, всё здесь ненавидела. Девочка прошла вдоль забора. Нет, тут не было того, что ей было нужно. Тогда Света обошла дом с другой стороны. Нет, и там на парковке она не нашла большой машины Мельника. Значит, он ещё домой не приехал. Отлично! Света приметилла удобное место, где она могла пролезть под шлагбаумом. О камерах девочка как-то не подумала. Опыта у неё на этот счёт было мало.

Рядом с этим домом был ресторан «Моцарелла Бар», она и зашла в него. Тут же к ней подошёл парень-официант и предложил столик, Света оказала ему, что выпьет только капучино, и он тут же ушёл, а она сняла плащ и достала из рюкзака пустую бутылочку, почти пустую. Там болтался шип розы, закутанный в пластиковую трубку. Он и был ей нужен. Светлана достала шип, аккуратно и медленно закатала пластик так, чтобы толстое основания шипа было свободно. Девочка огляделась вокруг: никто не смотрит? Нет, ресторан был семейным, тут былолюдно, люди ели, болтали, дети шумели, и никому до неё дела не было. Тогда она вытащила из рюкзака небольшой рулончик клейкой ленты. Официант принёс ей кофе, и девочка сразу расплатилась, оставила десять процентов чаевых, как делал папа. Кофе был очень вкусный, и она пожалела, что не заказала себе кусочек какого-нибудь тортика. Ладно, тортики потом, а сейчас она стала аккуратно, так, чтобы никто не видел, приматывать скотчем

шип к наконечнику зонта. Примотала крепко, теперь шип розы сантиметра на три выходил за самую высшую точку наконечника. Света осталась довольна своей работой. Снимать пластик с кончика шипа девочка не спешила, это нужно будет сделать перед самым применением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.